

CD 1

ПРОЛОГ

Первая картина

Двор Новодевичьего монастыря под Москвою, обнесенный оградой с башенками. Вправо, ближе к середине сцены, выступом, большие монастырские ворота под навесом.

(При поднятии занавеса народ, небольшими кучками, собирается на монастырском дворе перед стеною; движения народа вялы, походка ленивая. Входит небольшая кучка народа. Входит кучка баб. Первые две кучки соединяются. Входят мужчины. Народ образует общую толпу.)

(Через сцену проходят бояре; впереди князь Василий Иванович Шуйский. Обмениваясь поклонами с народом, пробиваются в монастырь. Когда бояре скрылись в монастыре, народ начинает бродить по сцене. Иные, преимущественно женщины, заглядывают за ограду к монастырскому крыльцу; другие шепчутся, почесывая в затылке.)

(Пристав показывается в воротах. Завидя пристава за воротами, народ собирается в сплошную толпу и стоит неподвижно: женщины — склоняя щекою на ладонь, мужчины — с шапками в руках, скрестив руки на животе и понурив голову.)

ПРИСТАВ

(С дубинкою, наступая, с гневом. Народ неподвижен.)

1 Ну, что ж вы?

Что ж вы идолами стали?

Живо, на колени!

(Народ переминается.)

Ну же!

(Грозит дубинкою. Народ мнется.)

Да ну!

(Нетерпеливо.)

Эко чёртова отродье!

(Народ вяло и поочередно опускается на колени.)

CD 1

PART ONE

Scene One

A courtyard in the Novodevichy Monastery near Moscow enclosed by a fence with turrets. To the right, nearer to the centre of the stage, the large gates of the monastery project forward beneath an awning.

(As the curtain rises, the populace is assembled together in small groups in front of the courtyard wall. Their movements are sluggish and they idle as they walk. A small group of people enters. A group of women enters. The first two groups merge together. Some men enter. The populace forms into a single mass.)

(The boyars pass across the stage; they are headed by Vasily Ivanovich Shuisky. Exchanging bows with the people, they push their way into the monastery. When the boyars have disappeared inside the monastery, the people begin to wander about the stage. Some, primarily the women, peep through the fence towards the monastery steps; others whisper, scratching the backs of their heads.)

(A police officer appears at the gates. Seeing the Police Officer, the people form a solid mass and stand motionlessly: the women resting their cheeks against the palms of their hands, the men with their hats in their hands, which are crossed over their stomachs, and with their heads lowered.)

POLICE OFFICER

(coming up angrily with a cudgel. The people are motionless.)

Well, what are you waiting for?

Have you turned into statues?

Look lively, on your knees!

(The people shift about from one foot to the other.)

Well then!

(He threatens them with his cudgel. The people are indecisive.)

Well!

(impatently)

What a tribe of devils you are!

(Gradually, the people sluggishly get onto their knees.)

НАРОД

(На коленях, обращенный к монастырским
воротам.)

На кого ты нас покидаешь,
отец наш? Ах, на кого, да,
ты оставляешь, кормилец!
Мы, да, все твои сироты
беззащитные,
ах, да, мы тебя-то просим,
молим со слезами,
со горячими: смилуйся!

(Пристав отходит к монастырю.)

Смилуйся! Смилуйся!
Боярин батюшка!
Отец наш! Ты кормилец!
Боярин, смилуйся!
(Остаются на коленях.)
(2я партия)
Митюх, а Митюх,
чево орем?

МИТЮХА

Вона! Почём я знаю?

НАРОД

[solo]

Царя на Руси хотим
поставить!
(три бабы) (solo)
Ой, лихонько!
Совсем охрипла!
Голубка, соседushка,
не припасла ль водицы?
(Alto)
Вишь, боярыня какая!
(tutti)
Орала пуще всех,
сама б и припасала!
(solo)
Ну вы, бабы, не гугорить!
(Alti)
А ты что за указчик!
(Tenori tutti)
Нишкни!
(Soprani)
Вишь, пристав навязался!

PEOPLE

(*On their knees, they turn towards the monastery
gates.*)

For whom dost thou forsake us,
our father? Ah, for whom dost thou
desert us, our provider!
We are all thy orphans
without a protector,
Ah, we entreat thee,
we pray to thee with tears,
with burning tears: take pity!

(*The police officer moves back towards the monastery*)

Take pity! Take pity!
Our little father, the boyar!
Our father! You are our provider!
O boyar, take pity!
(*remaining on their knees*)
(*Second group*)
Mityukha, hey Mityukha,
what are we bawling for?

МИТЮКХА

Huh! How should I know?

PEOPLE

(solo)

We want to place
a Tsar on the throne of Rus'!
(*three women*) (solo)
Ha, it's just too bad!
I'm quite hoarse!
Neighbour, dearest,
do you have any water left?
(Alto)
Listen to that, does she think herself a fine lady!
(tutti)
If she was bawling louder than anyone else,
she ought to have kept some water in reserve!
(solo)
Stop your chattering!
(Alti)
So who's dishing out the orders!
(Tenori tutti)
Shut up!
(Soprani)
You see, we've landed ourselves a brand new police
officer!

МИТЮХА

Ой вы, ведьмы,
не бушуйте!

НАРОД

(Soprani)

Ах, пострел ты,
окаянный!

(Tenori)

Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха!

(Bassi)

Не понравилася кличка,
видно солоно пришлася,
не в угоду, не по вкусу.

(Alti)

Эко дьявол привязался!

(Soprani)

Вот-то, нехристь отыскался!

(Tenori)

Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха!

(Alti)

Прости, Господи,
бесстыдник!

(Soprani)

Ой, уйдёте лучше, бабы,
подобру, поздорову,
от беды, да напасти!

(Tenori)

Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха!

(Alti)

От беды уйти подальше
подобру да поздорову!

(Женщины приподнимаются с колен,
собираясь уйти.)

(Tenori)

Ведьмы в путь уж собралися,
ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха!

(Bassi)

Хо, хо, хо, хо, хо, хо, хо, хо!

(В монастырских воротах появляется пристав;
завидя пристава, бабы быстро опускаются на
колени. Прежняя неподвижность толпы.)

ПРИСТАВ

(Толпе.)

Что ж вы? Что ж смолкли?

Аль глоток жалко?

(Гроза дубинкой.)

Вот я вас!

Аль давно по спинам
плётка не гуляла!

МИТЮКНА

Stop your ranting,
you old hags!

THE PEOPLE

(Soprani)

Accursed old devil,
that's what you are!

(Tenori)

Ha, ha, ha, ha, ha, ha, ha!

(Bassi)

Don't like the name, do you,
a bit too biting.

Not to your liking and unpalatable.

(Alti)

We have landed ourselves with a devil!

(Soprani)

Yes, we've found ourselves another brute!

(Tenori)

Ha, ha, ha, ha, ha, ha, ha!

(Alti)

May the Lord

forgive the shameless brute!

(Soprani)

Ha, we had best be off, girls,
whilst the going's good,
away from woe and misfortune!

(Tenors)

Ha, ha, ha, ha, ha, ha, ha!

(Alti)

Get away from woe

whilst the going's good!

(The woman start to get up off their knees, intending to
leave.)

(Tenori)

The old hags are making a bolt for it already,
ha, ha, ha, ha, ha, ha, ha!

(Bassi)

Ho, ho, ho, ho, ho, ho, ho, ho!

(The police officer appears at the gates of the monastery;
catching sight of the police officer, the women quickly go
down on their knees. The crowd is motionless as before.)

POLICE OFFICER

(to the crowd)

What's the matter with you? Why are you silent?

Are you sparing your throats?

(making a threat with his cudgel)

I'll show you?

Or have you forgotten

what the whip on your backs feels like?

(Наступая на толпу.)
Проучу вас... я живо!

НАРОД
(На коленях.)
(Soprani)
Не сердчай, Микитич,
не сердчай, родимый!
(Tenori)
Только поотдохнем,
заорем мы снова.
(Alti & Bassi)
И вздохнуть не даст, проклятый.

ПРИСТАВ
Ну-ка!
Только глоток не жалеть!

НАРОД
(Tenori)
Ладно!

ПРИСТАВ
(Грозя дубинкою.)
Ну!

НАРОД
(Завывая во всю мочь.)
[2] На кого ты нас покидаешь,
отец наш? Ах, на кого, да,
ты оставляешь, родимый!
Мы тебя, сироты, просим,
молим со слезами со горячими:
смилуйся! Смилуйся!
Боярин батюшка!
(После угрозы пристава.)
Отец наш! Отец наш!
(Усиливая.)
Кормилец!
(Усиливая.)
Кормилец!
(Во всю мочь.)
А-а-а-а-а-а-а!
(Крик.)

(При последних возгласах народа в монастырских воротах показывается думный дяк Шелкалов. Пристав, завидя Шелкалова, машет народу и поспешно идет к толпе. Народ кланяется.)

ПРИСТАВ
Нишкни!

(Щелкалов медленно и в задумчивости

(approaching the crowd)
I'll teach you... and no messing about!

THE PEOPLE
(on their knees)
(Soprani)
Don't be angry, Mikitch,
don't be angry, my dear!
(Tenori)
Just let us take rest,
and we'll start bawling again.
(Alti & Bassi)
The devil won't even let us catch our breath.

POLICE OFFICER
Come on!
Just don't spare your throats!

THE PEOPLE
(Tenori)
All right!

POLICE OFFICER
(threatening them with his cudgel)
Well!

THE PEOPLE
(starting to howl with all their might)
For whom dost thou forsake us,
our father? Ah, for whom dost thou
desert us, our own dear father!
We, orphans, entreat thee,
we pray to thee with burning tears,
take pity! Take pity!
Our little father, the boyar!
(after threats from the police officer)
Our father! Our father!
(reinforcing their efforts)
Our provider!
(reinforcing their efforts)
Our provider!
(with all their strength)
A-a-a-a-a-a-a!
(a shout)

(With the last exclamations of the people, Shchelkalov, the secretary of the State Council, appears at the monastery gates. The police officer, seeing Shchelkalov, signals to the people and hastily rushes towards the crowd. The people make a bow.)

POLICE OFFICER
Silence!

(Shchelkalov slowly descends from the steps with a

спускается с крыльца, выходит к народу,
снимает шапку и отдает поясной поклон.)

Вставайте!
Дьяк думный говорит.

(Толпа приподнимается.)

ШЕЛКАЛОВ

- 3 Православные!
Неумолим, боярин.
На скорбный зов
боярской Думы и патриарха
и слышать не хотел
о троне царском.
Печаль на Руси...
печаль безысходная,
православные!
Стонет земля в злом беззаконии.
Ко Господу сил припадите,
да ниспошлет Он
скорбной Руси утешенье...
И озарит небесным светом
Бориса усталый дух!..
(Уходит в монастырь.)

(За сценой слышится пение калек переходжиков.
Сцена освещается красноватым отблеском
заходящего солнца. Народ прислушивается к
доносящемуся издали пению.)

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ

(За сценою.)
(Поводыри-мальчики.)

- 4 Слава Тебе, Творцу
Всевышнему, на земли,
слава силам Твоим небесным
и всем угодикам.
Слава на Руси!
(Калики-старцы.)
Слава Тебе, Всевышнему, слава!

НАРОД

(шепотом)
Божьи люди!

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ

(Приближаясь к сцене.)
Ангел Господень миру рек:
поднимайтесь, тучи грозные.
Вы неситесь по поднебесью,
застылайте землю русскую!
Неситесь на землю русскую!
Вы неситесь на землю Русскую!

*pensive air. He comes out to the people, removes his cap
and makes a low bow.)*

Get up!
The secretary is going to speak.

(The people raise their heads.)

SHCHELKALOV

People of the Orthodox faith!
The boyar is deaf.
To the woeful entreaties
of the Council of Boyars and the Patriarch,
he would not hear
of the royal throne.
Woe to Rus'...
It is a never-ending sorrow,
ye, people of the Orthodox faith!
This land groans with wicked lawlessness.
Prostrate yourselves before the Lord
that He might send down
comfort to sorrowful Rus'...
And may he illuminate with his heavenly light
the weary spirit of Boris!..
(He goes off to the monastery.)

*(Off-stage singing of wandering minstrels.
The stage is illuminated by the reddish hue of the setting
sun. The people listen to the distant singing.)*

PILGRIMS

(off-stage)
(boy leader singers)
Glory to Thee on earth,
almighty Creator,
glory to Thy heavenly powers
and to all Thy saints.
Glory throughout Rus'!
(old pilgrims)
Glory to Thee, Almighty God, glory!

THE PEOPLE

(in a whisper)
Holy people!

PILGRIMS

(coming closer to the stage)
The Lord's angel spake unto the world:
Rise up, thunder clouds.
Scurry across the sky
and cover the Russian lands!
Speed forth to the Russian lands!
Make haste to the Russian lands!

(Входят на сцену; впереди поводыри, сзади, опираясь на их плечи, старцы в капюшонах, обвешанных образками и ладонками, с дубинками в руках. Народ почтительно и благоговейно кланяется им, давая дорогу.)
 Сокрушите змия люта,
 со двенадцатью
 крылами-хоботы,
 таво змия, смуту русскую,
 да безначалие.
 Возвестите православным,
 да во спасенье.
 (Раздают народу образки и ладонки.)

Облекайтесь в ризы светлые,
 поднимайте иконы Владычицы.
 И со Донской,
 и со Владимирской
 грядите царю во сретенье!
 (Уходя, пробираются к монастырю.)
 Воспойте славу, славу
 сил святых небесных!
 (За сценою, постепенно удаляясь.)
 Слава Тебе Творцу на земли!
 Слава Отцу небесному!
 (Скрываются в монастыре.)

(Часть народа рассматривает друг у друга
 полученные образки и ладонки. Другая часть
 следит за удаляющимися каликами.)

НАРОД
 (Две партии.) (2я партия, к Митюхе.)
 Слышал, что Божьи
 люди говорили?

МИТЮХА
 Слышал! И со Донской,
 и со Владимирской...
 (Забывает дальше.)

(Женщины затевают спор из-за ладонок.)

НАРОД
 (2я партия)
 Ну!...

МИТЮХА
 (С усилием, стараясь припомнить.)
 И со Донской,
 и со Владимирской
 вы идите...
 (Задумывается.)

(They come onto the stage; the boy leader singers are in front and the old men, leaning on their shoulders, follow behind. They are wearing cowls from which hang little icons and amulets, and they carry batons. The people respectfully bow to them and allow them to pass.)

Smite down the wicked serpent
 with its twelve-winged proboscis,
 that serpent bringing discord
 and anarchy to Russia.
 Proclaim
 unto the Orthodox people
 the salvation.
(They distribute the little icons and amulets to the people.)

Clothe yourselves in bright raiment,
 raise up the icon of the Virgin.
 And bearing our Lady of the Don
 and our Lady of Vladimir
 go forth to meet the Tsar!
(Going off, they make their way into the monastery.)
 Sing the glory, the glory
 of his heavenly, holy powers!
(off-stage, gradually going off into the distance)
 Glory be to Thee Creator on earth!
 Glory to the heavenly Father!
(They go into the monastery.)

(Some of the people look at each other's icons and amulets. Others watch the pilgrims as they go off.)

THE PEOPLE
(two groups) (second group, to Mityukha.)
 Did you hear
 what the men of God were saying?

MITYUKHA
 I heard! With our Lady of the Don
 and with our Lady of Vladimir...
(He forgets what came next.)

(The women start an argument over the amulets.)

THE PEOPLE
(second group)
 Well!...

MITYUKHA
(trying to remember with an effort)
 With our Lady of the Don
 and with our Lady of Vladimir
 You go...
(He grows pensive.)

НАРОД
(2я партия)
Чего?

THE PEOPLE
(*second group*)
What?

МИТЮХА
(Нетерпеливо и теряясь.)
Идите...

MITYUKHA
(*impatiently and getting flustered*)
Go...

НАРОД
(2я партия)
Ну!...

THE PEOPLE
(*second group*)
Well!...

МИТЮХА
Со Донской идите...
(Окончательно теряется и отворачивается.)

MITYUKHA
Go with our Lady of the Don...
(*He gets completely flustered and turns away.*)

НАРОД
(2я партия)
Плох, брат!
(1я партия)
Облекайтесь в ризы светлые,
и со Донской,
и со Владимирской
вы грядите к царю во сретенье.
(2я партия)
Царю? Какому царю?

THE PEOPLE
(*second group*)
That's not very good, brother!
(*first group*)
Clothe yourselves in bright raiment
and bearing our Lady of the Don
and our Lady of Vladimir
go forth to meet the Tsar!
(*second group*)
To the Tsar? Which Tsar?

ПРИСТАВ
(Выхода из монастыря, куда провожал
калик.)
Эй, вы!

POLICE OFFICER
(*emerging from the monastery, having accompanied the
pilgrims inside*)
Hey, you!

НАРОД
(Не замечая пристава.)
(1я партия)
Как какому? А Борису...

THE PEOPLE
(*not noticing the police officer*)
(*first group*)
Which one? Boris, you mean...

ПРИСТАВ
(Наступая.)
Эй, вы, баранье стадо!
Аль оглохли!
Вам от бояр указ:
завтра быть в Кремле
и ждать там приказаний.
Слышали?
(Уходит.)

POLICE OFFICER
(*coming up*)
Hey, you flock of sheep!
Have you gone deaf?
There's an order from the boyars for you:
Be at the Kremlin on the morrow
and await your instructions there.
Did you hear?
(*He goes out.*)

(На сцене сумерки; народ начинает расходиться.)

(*Twilight on the stage; the people begin to disperse.*)

НАРОД
Вона! За делом собирали!
А нам-то что?
Велят завьить, завоем и в Кремле.
Завоем. Для ча не завьить.
Что ж? Идем, ребята!
(Расходятся.)

THE PEOPLE
Huh! They've decided to do something!
So what is it to do with us?
They command us to start wailing, and we'll start
wailing in the Kremlin. We'll start wailing. Why
shouldn't we start wailing. Let's be off, lads!
(*They disperse.*)

Вторая картина

Площадь в Кремле Московском. Прямо перед зрителями, в отдалении, Красное крыльцо царских теремов. Справа, ближе к авансцене, народ на коленях занимает место между Успенским, вправо, и Архангельским, влево вдали, соборами: паперти соборов видны. Торжественный колокольный звон.

(С Красного крыльца начинается торжественное шествие бояр к Успенскому собору: впереди рынды, стрельцы, боярские дети; далее князь Шуйский с венцом Мономаха на подушке; за ним бояре, Шелкалов с царским посохом, опять стрельцы. За ними большие бояре, дьяки и пр. Шествие, пройдя сквозь толпу, входит в Успенский собор. Стрельцы помещаются на паперти и ступенях шпалерами.)

ШУЙСКИЙ
(Показывается на паперти Успенского собора)
(К народу.)

5 Да здравствует царь
Борис Феодорович!

(Народ приподнимается.)

НАРОД
Живи и здравствуй,
царь наш батюшка!

(Звон прерывается.)

ШУЙСКИЙ
Славьте!
(Уходит в собор.)

НАРОД
Уж как на небе солнцу
красному слава, слава!
Уж и как на Руси царю
Борису слава, слава!

(Торжественное царское шествие из Успенского собора. Пристава ставят народ шпалерами.)

Живи и здравствуй,
живи и здравствуй!
Царь наш батюшка!
Царь наш батюшка!
Живи и здравствуй!

Scene Two

A square in the Moscow Kremlin. Immediately facing the auditorium, in the distance, is the Red Staircase leading up to the royal apartments. To the right, nearer to the proscenium, the kneeling populace occupies a position between the Cathedral of the Assumption to the right and the Archangel Cathedral in the distance to the left: the porches of the cathedrals are visible. The solemn pealing of bells.

(A solemn procession of boyars begins from the Red Staircase towards the Cathedral of the Assumption; it is led by the Tsar's body-guards, the strel'tsy, and the lower boyars; then follows Prince Shuisky with the Crown of Monomakh on a cushion; he is followed by the boyars, Shchelkalov with the royal staff and more strel'tsy. Then come the great boyars, the clerks, etc. The procession passes through the crowd and enters the Cathedral of the Assumption. The strel'tsy take up position in lines on the porch and steps.)

SHUISKY
(on the porch of the Cathedral of the Assumption)
(to the people)

Long live Tsar
Boris Feodorovich!

(The people raise up their heads.)

THE PEOPLE
Long life and health,
our father the Tsar!

(The bell ringing stops.)

SHUISKY
Glorify him!
(He goes into the cathedral.)

THE PEOPLE
As unto the fair sun in
the Heavens, glory, glory!
So to Tsar Boris
in Rus', glory, glory!

(The solemn royal procession from the Cathedral of the Assumption. The police officers organise the people in lines.)

Long life and health,
long life and health!
Our little father the Tsar!
Our little father, the Tsar!
Long life and health!

Царь наш батюшка!
Живи и здравствуй!
Радуйся, люд!
Радуйся, веселися, люд!
Православный люд!
Православный люд!

(Колокольный звон на сцене.)

Величай царя Бориса и славь.

ЧЕТЫРЕ БОЯРИНА
(С паперти собора, народу.)
Да здравствует царь
Борис Феодорович!
(Спускаются.)

НАРОД
(Кланяются боярам.)
Да здравствует!

(Щелкалов с боярами продолжают шествие и становятся шпалерами от паперти Архангельского собора, полукругом, к Успенскому.)

Уж как на Руси
царю Борису слава,
слава царю, слава!
Слава! Слава! Слава! Слава!

(Борис показывается на паперти. Шуйский из-за него дает народу знак прекратить славленье и становится с Воротыньским позади Бориса.)

Слава! Слава! Слава! Слава!

(Звон на сцене прекращается.)

БОРИС
(С паперти собора; за ним стоят дети его Феодор и Ксения.)
6 Скорбит душа!
Какой-то страх невольный
зловещим предчувствием
сковал мне сердце.
(В восторженном настроении.)
О, Праведник,
о, мой Отец державный!
Воззри с небес на слёзы
верных слуг и ниспошли
ты мне священное
на власть благословенье.
(Смирненно.)
Да буду благ и

Our little father the Tsar!
Long life and health!
Rejoice, o people!
Rejoice and make merry, o people!
Ye people of the Orthodox faith!
Ye people of the Orthodox faith!

(*The pealing of bells on stage.*)

Extol Tsar Boris and glorify him.

FOUR BOYARS
(*from the cathedral porch, to the populace*)
Long live Tsar
Boris Feodorovich!
(*They descend the steps.*)

THE PEOPLE
(*bowing to the boyars*)
Long life!

(*Shchelkalov and the boyars continue with the procession and form lines from the porch of the Archangel Cathedral in a semicircle towards the Cathedral of the Assumption.*)

So in Rus'
to Tsar Boris, glory!
Glory to the Tsar, glory!
Glory! Glory! Glory! Glory!

(*Boris appears on the porch. From behind him Shuisky give the sign to the people to stop the glorification and stands behind Boris with Vorotynsky.*)

Glory! Glory! Glory! Glory!

(*The ringing of the bells on stage ceases.*)

BORIS
(*from the porch of the cathedral; behind him stand his children Fyodor and Xeniya.*)
My soul is sad!
Some involuntary fear
has gripped my heart
with ominous foreboding.
(*with a mood of exultation*)
O, God of righteousness,
o, my sovereign Father!
Gaze down from the heavens at the tears
of Thy loyal servants and send down
a holy blessing
on my sovereign power.
(*humbly*)
I shall be good and

праведен, как Ты,
да в славе правлю свой народ...
(Склоняет голову в молитвенном настроении.)
Теперь поклонимся почившим
властителям России.
(С царственным величием.)
А там сзывать народ на пир,
всех, от бояр до нищего слепца!
Всем вольный вход, всем— гости дорогие!

(Борис спускается с паперти, сопутствуемый
Шуйским и Воротынским, за ними бояре и
стрельцы. Продолжается шествие к
Архангельскому собору.)

НАРОД

7 Слава! Слава, слава!

(Колокольный звон на сцене.)

Живи и здравствуй,
царь наш батюшка.

(Народ ломится к Архангельскому собору;
пристава приводят народ в порядок.)

Многая лета царю Борису!
Уж как на небе
солнышку слава!
Слава!
Уж как на Руси
царю Борису слава!
Слава и многая лета!

(Суматоха; борьба приставов с народом.)

(Борис показывается из Архангельского собора
и направляется к теремам.)

Слава, слава, слава, слава!
Слава! Слава!

just as Thee,
And I shall rule my people in glory...
(*He bows his head in prayer.*)
Now let us bow down before
the departed rulers of Russia.
(*with regal grandeur*)
And there summon the people to the feast,
all of them, from boyar to blind beggar!
Free access is given to all, all are cherished guests!

(*Boris descends from the porch accompanied by Shuisky
and Vorotynsky, and behind them, the boyars and
strel'tsy. The procession continues towards the Archangel
Cathedral.*)

THE PEOPLE

Glory! Glory! Glory!

(*the pealing of bells on stage*)

Long life and health,
our little father the Tsar.

(*The people force their way towards the Archangel
Cathedral; the police officers control the populace.*)

Many years to Tsar Boris!
As the sun in the sky,
Glory!
Glory!
So to Tsar Boris
in Rus' glory, glory!
Glory and many years!

(*A disturbance; the police officers struggle with the
people.*)

(*Boris appears from the Archangel Cathedral and makes
his way towards the royal apartments.*)

Glory! Glory! Glory! Glory!
Glory! Glory!

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина

(Ночь. Келья в Чудовом монастыре. Пимен пишет перед лампадой. Григорий спит.)

ПИМЕН

(Приостанавливается.)

8 Ещё одно последнее сказанье
и летопись окончена моя.

Окончен труд, завещанный
от Бога мне, грешному.

(Пишет.)

(Приостанавливается.)

Недаром многих лет свидетелем
Господь меня поставил.

Когда-нибудь монах трудолюбивый
найдёт мой труд усердный,
безымянный;

засветит он, как я,

свою лампаду,

и пыль веков от хартий отряхнув,
правдивые сказанья перепишет.

Да ведают потомки православных
земли родной минувшую судьбу.

(Задумывается.)

На старости я сызнова живу.

Минувшее проходит предо мною,
волнуясь как море-окиан.

Давно ль оно неслось,

событий полно...

Теперь оно спокойно и безмолвно!..

Однако близок день...

Лампада догорает...

(Пишет.)

Ещё одно последнее сказанье...

(Продолжает писать.)

МОНАХИ

(За сценою.)

9 Боже крепкий, правый,
внемли рабам Твоим,
молящим Тя!

Дух лжемудрия лукавый
отжени от чад твоих,
верящих Ти!

ГРИГОРИЙ

(Просыпается.)

Всё тот же сон!...

В третий раз всё тот же сон!

Неотвязный, проклятый сон...

А старик сидит да пишет,

и дремотой, зная, во всю

ACT ONE

Scene One

(Night. A cell in the Chudov Monastery. Pimen is writing by the light of a lamp. Grigory is sleeping.)

PIMEN

(pausing)

Just one more final tale
and my chronicle is finished.

The labour entrusted by God to me,
a humble sinner, is completed.

(He writes.)

(pauses)

It is not for nothing that the Lord
made me a witness for so many years.

One day an assiduous monk

will find my zealous

and unsigned labours;

he will light

his lamp, as I do,

and brushing the dust of centuries from the manuscripts,

he will copy out my truthful tales.

And the descendants of the Orthodox faithful
will know the past fate of their native land.

(grows pensive)

In my old age I am reliving everything again.

The past unfolds before me,
turbulent like the immense ocean.

Was it so long ago that it sped by

so full of events...

Now it is calm and silent!...

but the day approaches...

the lamp is burning down...

(He writes.)

Just one more final tale...

(He continues writing.)

MONKS

(off-stage)

God of strength and justice,

hear Thy servants

who pray to Thee!

Drive away the sly spirit of

false wisdom from Thy children

who believe in Thee!

GRIGORY

(waking)

That same dream again!...

For the third time that same dream!

That obsessive, accursed dream...

but the old man just sits and writes,

and it seems that all night

ночь он не смыкал очей.
 Как я люблю его смиренный вид,
 когда душой в минувшем
 погружённый, спокойный,
 величавый, он летопись свою...
 (Подходит к Пимену и кланяется в пояс.)

ПИМЕН
 Проснулся, брат?

ГРИГОРИЙ
 Благослови меня, честной отец.

ПИМЕН
 (Встает и благословляет.)
 Благослови тебя Господь
 и днесь и присно и во веки.
 (Садится.)

МОНАХИ
 (За сценою.)
 Боже, Боже мой,
 вскую оставил мя!

ГРИГОРИЙ
 (Выпрямляется.)

10 Ты всё писал
 и сном не позабылся:
 а мой покой бесовское
 мечтанье тревожило
 и враг меня мучил.
 Мне снилось: лестница крутая
 вела меня на башню;
 с высоты мне виделась Москва;
 что муравейник,
 народ внизу на площади
 кипел и на меня
 указывал со смехом...
 И стыдно мне,
 и страшно становилось...
 И, падая стремглав,
 я пробуждался.

ПИМЕН
 Младая кровь играет;
 смирив себя молитвой
 и постом, и сны твои
 видений лёгких будут полны.
 Доныне, если я, невольною
 дремотой обессилен,
 не сотворю молитвы долгой к ночи,
 мой старый сон не тих
 и не безгрешен;
 мне чудятся то буйные пиры,
 то схватки боевые,

he has not closed his eyes from drowsiness.
 How I love his meek appearance
 when wholly absorbed in the past,
 calm and stately
 he writes his chronicle...
 (*approaches Pimen and makes a low bow*)

PIMEN
 Are you awake, brother?

GRIGORY
 Give me your blessing, holy father.

PIMEN
 (*gets up and gives his blessing*)
 May the Lord bless you
 today, always and forevermore.
 (*sits*)

MONKS
 (*off-stage*)
 O God, o my God,
 why hast Thou abandoned me!

GRIGORY
 (*straightening up*)
 You have gone on writing
 and not sought oblivion in sleep:
 but a devilish dream
 has disturbed my rest
 and Satan has troubled me.
 In my dream: a steep staircase
 led me to a tower;
 from the top I could see Moscow;
 it was like an anthill,
 and the people down below on the square
 were seething about
 pointing at me and laughing...
 I felt ashamed,
 and I grew afraid...
 and falling headlong,
 I awoke.

PIMEN
 Your young blood is restless;
 subdue yourself with prayer
 and fasting, and your dreams
 will be filled with airy visions.
 Even now, if I am ever overcome
 by involuntary slumber,
 and I do not offer up a lengthy prayer for the night,
 my ageing dreams are not calm
 and devoid of sin;
 I seem to see of wild feasts,
 military skirmishes,

безумные потехи юных лет...

ГРИГОРИЙ

Как весело провёл свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
ты рать Литвы при Шуйском отражал,
ты видел двор и роскошь Иоанна!
А я от отроческих лет по келиям
скитаюсь, бедный инок,
зачем и мне не тешиться в боях,
не пировать за царскою трапезой...

ПИМЕН

(Остановившая Григория за руку; спокойно.)
Не сетуй, брат, что рано
грешный свет покинул.
Верь ты мне: нас издали
пленяет роскошь
и женская лукавая любовь.
Помысли, сын, ты
о царях великих –
кто выше их? И что же:
о, как часто, часто
они меняли свой посох
царский и порфиру,
и свой венец роскошный
на инока клубок смиренный,
и в келии святой душою отдыхали.
Здесь, в этой самой келье,
в ней жил тогда Кирилл
многострадальный,
муж праведный.
Здесь видел я царя.
Задумчив, тих сидел
пред нами Грозный,
и тихо речь из уст его лилася,
а в очах его суровых
раскаянья слеза дрожала...
И плакал он...
(Задумывается.)
А сын его, Феодор!
Он царские чертоги преобразил
в молитвенную келью;
Бог возлюбил смирение царя,
и Русь при нём во славе
безмятежной утешилась...
А в час его кончины
свершилось неслыханное чудо!
Палаты исполнились благоуханья...
И лик его как солнце просиял!..
Уж не видать такого нам царя!
Прогневали мы Бога,
согрешили,
владыкою себе

the madcap amusements of my youth...

GRIGORY

What a merry time you had in your youth!
You fought under the towers of Kazan,
you repulsed the Lithuanian forces in Shuisky's time,
you saw the court and the splendour of Ivan!
Whilst I, poor monk that I am,
have wandered through cells since my boyhood.
Why should I not have fun in battles
and feast at the Tsar's table...

PIMEN

(restraining Grigory by the arm; calmly.)
Do not lament, brother, that so early
you abandoned the sinful world.
Believe me: from a distance
we are entranced by luxury
and the cunning love of women.
Think, my son,
about the great tsars –
who is greater than they? But what happens:
o, how often, how often
they have exchanged their royal staff,
their mantle of porphyry
and their sumptuous crown
for the humble headgear of a monk
and in the holy cell they have given rest to their souls.
At that time
here, in this very cell
lived the suffering Kirill,
a man of righteous ways.
Here I saw the Tsar.
before us sat Ivan the Terrible
thoughtful and calm
and the words flowed quietly from his lips,
whilst in his harsh eyes
quivered a tear of repentance...
And he wept...
(becomes pensive)
but his son, Fyodor!
He turned the royal chambers
into a cell for prayer;
god came to love the humility of the tsar,
and under him Rus' took comfort
in serene glory...
At the hour of his passing
there occurred an unheard-of miracle!
The chambers were filled with fragrance...
and his face beamed like the sun!..
We are not to see such a tsar again!
We have angered God,
we have sinned,
we have given the name sovereign

(глухо)
цареубийцу нарекли!

ГРИГОРИЙ

(Во время рассказа Пимена подсевший к его столику и усердно слушавший.)

11 Давно, честной отец,
хотелось мне тебя спросить,
каких был лет
царевич убиенный?

ПИМЕН

Он был бы твой ровестник
и царствовал!...

(При этих словах Григорий величественно выпрямляется во весь рост, потом снова с притворным смирением опускается на скамью.)

Но Бог судил иное.
Бориса преступленьем
вопиющим заключу я
летопись свою.
Брат Григорий!
Ты грамотой свой
разум просветил.
Тебе мой труд передаю...
Описывай, не мудрствуя лукаво,
всё, чему свидетель
в жизни будешь:
войну иль мир,
управу государей,
пророчества и
знамения небесны...
А мне пора, пора уж
отдохнуть...
(Встает и гасит лампаду. Колокол за сценой.
Прислушивается.)

12 Звонят к заутрене...
Благослови Господь своих рабов!...
Подай костыль, Григорий!

МОНАХИ

(За сценою.)
Помилуй нас, Боже!
Помилуй нас, Всеблагий!

(Пимен уходит в молитвенном настроении.
Григорий провожает его и по уходе остается у
двери.)

Отче наш, Вседержитель,
Боже вечный, правый,
помилуй нас!

(muffled)
to a regicide!

GRIGORY

(who has seated himself by Pimen's table and has been listening intently during his narrative)

Holy father, for a long time
I have wanted to ask you
what was the age
of the murdered tsarevich?

PIMEN

He would be the same age as you
and he would be tsar!...

(At these words Grigory pulls himself up grandly to his full height, then again with feigned humility sinks back onto his bench.)

But God decreed it otherwise.
With Boris's scandalous crime
I shall conclude
my chronicle.
brother Grigory!
You have enlightened your mind
with reading and writing.
I shall give you my labours...
describe without cunning sophistry
everything of which you are witness
in your life:
war or peace,
the justice of our sovereigns,
the prophecies and
omens of heaven...
For me it is time, time
to rest...
(gets up and extinguishes his lamp; a bell off-stage; he listens intently.)

It is the bell for matins...
Bless, o Lord, Thy servants!...
Give me my staff, Grigory!

MONKS

(off-stage)
Have mercy upon us, o Lord!
Have mercy upon us, most gracious God!

(Pimen goes out in an attitude of prayer. Grigory accompanies him out and then remains near the door.)

Our Father, Almighty God,
o, eternal, righteous God,
have mercy upon us!

ГРИГОРИЙ

(У самой двери.)

Борис, Борис!

Всё пред тобой трепещет,
никто не смеет и
напомнить о жребии
несчастливого младенца...
(Подходя к столу, почти говорком.)

А между тем отшельник

в тёмной келье здесь

на тебя донос

ужасный пишет:

и не уйдёшь ты
от суда людского,
как не уйдёшь
от Божьего суда.

Вторая картина

Корчма на Литовской границе

ХОЗЯЙКА

(Штопает старую душегрейку.)

13 Поимала я сиза селезня,
ох, ты, мой селезень,
мой касатик, селезень,
Посажу тебя, сиза селезня,
ох, на чистенький прудок,
под ракитовый кусток.
Ты порхни, порхни,
сизый селезень,
ой, взвейся, поднимись,
к бедненькой ко мне спустись.
Полюблю тебя,
приголублю я,
маво милова дружка,
касатика селезня!
Ты присядь ко мне,
да поближе,
обойми меня, дружок,
поцелуй меня разок.

(За сценой говор и грубый смех. Вслушивается.)

Эвона!.. Прохожий люд...

(Говор за сценою слышнее.)

Гости дорогие...

(За сценою тихо.)

А-у! Смолкли!..

Знать мимо промахнули...

GRIGORY

(close to the door)

Boris! Boris!

Everything before you is quivering,
no one even dares
to remind you about the fate
of the unfortunate infant...

(coming up to the table; almost in a speaking voice)

Yet meanwhile,

here in this dark cell

a hermit is writing a terrible denunciation
against you:

and you will not escape

the justice of men,

as you will not escape

the justice of God.

Scene Two

An inn on the Lithuanian frontier

INNKEEPER

(darning an old body-warmer)

I caught a grey drake,
ah, my little drake,
my darling little drake,
I'll set you down, grey drake,
on a clean pond,
under a broom grove.
Flutter about, flutter about,
grey drake,
oh, soar up, take to the wing,
then come down to me, poor soul that I am.
I shall love you,
I shall caress you,
my dearest,
my darling drake!
Come and sit down beside me,
A bit closer,
embrace me, dearest,
give me a kiss just once.

(Voices and crude laughter off-stage. She listens.)

Listen to that!... Passers-by...

(The voices off-stage are more audible.)

Dear guests...

(Off-stage voices fall silent.)

Ha! No sound!...

They must have missed the door...

Расцалуй меня, да пожарче,
ой, ты мой селезень,
мой касатик, селезень,
ты потешь меня, потешь меня,
вдовушку вольную...
(Прислушивается.)

МИСАИЛ, ВАРЛААМ
(За дверью.)
Люд христианский,
люд честной, господний,
на строенье храмов
пожертвуй хоть копеечку,
лепта воздасть тебе
сторицей!

ХОЗЯЙКА
(В волнении.)
Ах, ты, Господи, старцы честные!
Дура я, дура окольная,
старая греховница!
(Бежит к окну.)
Так и есть!..
(Суетится.)
Они... честные старцы!..
(Идет к двери и открывает ее.)

(Входят Варлаам и Мисаил; за ними
Самозванец под именем Григория — одет
крестьянином. Хозяйка усердно кланяется
гостям в пояс.)

ВАРЛААМ
Жено, мир дому твоему!

ХОЗЯЙКА
(Кланяется еще раз.)
Чем-то мне вас потчевать,
старцы честные?

МИСАИЛ
(Смирненно.)
Чем Бог послал, хозяйюшка.

ВАРЛААМ
(Толкает Мисаила.)
Нет ли вина?

ХОЗЯЙКА
Как не быть, отцы мои!
Сейчас вынесу.
(Идет в кладовую.)

(Варлаам наблюдает за Григорием, который
сидит у стола призадумавшись.)

Smother me with kisses and more passionately,
ah, my little drake,
my darling little drake,
come and entertain me,
an unattached widow...
(listens)

MISAIL, VARLAAM
(outside)
Christian folk,
worthy, God-fearing folk,
spare just a copeck
for the building of churches,
you will redeem your widow's mite
a hundred fold!

INNKEEPER
(agitated)
Ah, heavens above, it's some venerable monks!
What a silly fool I am, a silly,
devious old sinner!
(runs to the window)
I thought so...
(fusses about)
It's... venerable old monks!...
(goes to the door and opens it)

(Enter Varlaam and Misail; they are followed by the
Pretender under the name of Grigory — he is dressed like
a peasant. The innkeeper delivers a brisk, low bow to her
guests.)

VARLAAM
Woman, peace be on your house!

INNKEEPER
(bows again)
Can I bring you anything,
reverent fathers?

MISAIL
(humbly)
Whatever God provides, mistress.

VARLAAM
(giving Misail a nudge)
Is there no wine?

INNKEEPER
Whatever next, holy fathers!
I'll bring some now.
(goes into the larder)

(Varlaam watches Grigory, who sits at the table with a
pensive air.)

ВАРЛААМ

(Подходя к Григорию.)

Что ж ты призадумался,
товарищ?

Вот и граница Литовская,
до которой тебе так
хотелось добраться.

ГРИГОРИЙ

(У стола задумчивый, мрачно.)

Пока не буду в Литве
не могу быть спокоен.

ВАРЛААМ

Да что тебе Литва так слюбилась?

Вот мы, отец Мисаил,
да аз многогрешный,
как утекли из монастыря,
так и в ус себе не дуем!
Литва ли, Русь ли,
что гудок, что гусли,
всё нам равно, было б вино...

(Входит хозяйка со штофами. Завидя хозяйку
весело.)

Да вот и оно!

ХОЗЯЙКА

(Ставит вино на стол.)

Вот вам, отцы мои,
пейте на здоровье.

МИСАИЛ, ВАРЛААМ

Спасибо, хозяйюшка,
Бог тебя благослови!

(Наливают вино и пьют, кроме Григория.)

ВАРЛААМ

(Со штофом в руке.)

14 Как во городе было во Казани,
Грозный царь пировал
да веселился.

Он татарей бил нещадно,
чтоб им было неповадно
вдоль по Руси гулять.

(Пьет.)

Царь подходом подходил
да под Казань городок,
он подкопы подкопал
да под Казанку-реку.
Как татаре-то
по городу похаживают,

VARLAAM

(coming up to Grigory)

What are you being so thoughtful about,
my friend?

Here's the Lithuanian frontier,
that you were so keen
to reach.

GRIGORY

(Pensive at the table, gloomily.)

Until I am in Lithuania
I cannot be calm.

VARLAAM

So why have you taken such a fancy to Lithuania?

Now, father Misail
and me, great sinner that I am,
we don't care a damn
seeing that we've got away from the monastery!
Lithuania, Russia,
chalk, cheese,
it's all the same to us, so long as there's wine...

(Enter the innkeeper with some bottles. Seeing the
innkeeper he grows cheerful.)

Here it comes!

INNKEEPER

(putting the wine on the table)

Here you are, reverent fathers,
drink to good health.

MISAIL, VARLAAM

Thank you, mistress,
may the Lord bless you!

(They pour out the wine and drink it. Only Grigory does
not drink.)

VARLAAM

(with a bottle in his hand)

It all happened in the town of Kazan!
The fearsome Tsar was feasting
and making merry.

He was giving the Tartars a drubbing without mercy,
so as to show them that they can't
go on the rampage across Russia.

(drinks)

The Tsar went on a campaign,
up as far as the town of Kazan.
He dug some tunnels
right under the Kazanka River.
Meanwhile, the Tartars
were strolling about the town,

на царя Ивана-то
поглядывают,
эли татарове.
Грозный царь-то закручинился,
он повесил головушку
на правое плечо.
Уж как стал царь
пушкарей сзывать,
пушкарей всё зажигальщиков,
зажигальщиков.
Задымилась свечка воску ярова,
подходил молодой пушкарь
от к бочечке.
А и с порохом-то бочка
закружилася. Ой!
По подкопам покатила,ся,
да и хлопнула.
(Пьет.)
Завопили, загодили
эли татарове,
благим матом заливалися.
Полегло татаровой
тьма тьмушая,
полегло их сорок тысячей
да три тысячи.
Так-то во городе было
во Казани... Эй!
(Продолжительно пьет.)
(Григорию.)

15 Что ж ты не подтягиваешь,
да и не потягиваешь?

ГРИГОРИЙ
Не хочу.

МИСАИЛ
Вольному воля.

ВАРЛААМ
А пьяному рай, отец Мисаил!
Выпьем чарочку за шинкарочку!

(Наливают оба и пьют. Пристально смотрит на
Григория и уже навеселе обращается к нему.)

Однако, брат: когда я пью,
так трезвых не люблю.
(Пьет.)
Ино дело пьянство,
(Пьет.)
ино дело чванство;
хочешь жить как мы,
милости просим!
Нет?!
Так убирайся, проваливай!

they were looking
at Tsar Ivan,
the wicked Tartars!
The fearsome Tsar grew miserable,
he hung his head
on his right shoulder.
Then the Tsar
summoned up his artillerymen,
his artillerymen and incendiaries,
incendiaries.
A candle made from white wax began to smoke,
a young artilleryman
came up to a barrel.
And the barrel started
whirling around from the powder. Ha!
It rolled down the tunnels
and went off bang.
(drinks)
The wicked Tartars started yelling
and kicking up a din.
They were shouting at the top of their voices.
It brought down
a huge mass of Tartars,
forty-three thousand of them
were lying there.
That's the way it happened
In the town of Kazan... Ha!
(carries on drinking)
(to Grigory)
Why don't you join in the singing,
and have a swig?

GRIGORY
I don't want to.

MISAIL
As you please.

VARLAAM
But the drunken man sees paradise, father Misail!
Let's drain a glass to our lovely innkeeper!

(They pour out the wine and drink. Varlaam watches
Grigory intently, and already tipsy, addresses him.)

When I drink, brother,
I don't like the company of sober men.
(drinks)
Drunkenness is one thing
(drinks)
but arrogance is another;
if you want to live as we do,
it's our pleasure!
If not
then clear off, make yourself scarce!

ГРИГОРИЙ

Пей, да про себя разумей,
отец Варлаам!...

ВАРЛААМ

Про себя!

Да что мне про себя разуметь?

(С досадою.)

Эй!

(Разваливается на столе; Мисаил дремлет.)

Как едет ён, едет ён ён...

Да погоняет ён.

Шапка на ём

торчит как рожон,

кафтан от весь-то грязён.

(Дремлет.)

ГРИГОРИЙ

(Подходя к хозяйке.)

Хозяйка!

Куда ведет эта дорога?

ХОЗЯЙКА

А в Литву, кормилец.

ГРИГОРИЙ

А далече до Литвы?

ХОЗЯЙКА

Нет, родимый, недалече,

к вечеру можно поспеть,

кабы не заставы...

ГРИГОРИЙ

Как? Заставы?

ХОЗЯЙКА

Кто-то бежал из Москвы,

а велено всех задерживать,

да осматривать.

ГРИГОРИЙ

Э! Вот тебе, бабушка,

и Юрьев день!

ВАРЛААМ

(Пробуждаясь.)

Свалился ён,

лежит ён ён,

(Дремлет.)

да встать не может ён.

GRIGORY

Drink, but keep your thought to yourself,
Father Varlaam!...

VARLAAM

To myself!

What should I keep to myself?

(*annoyed*)

Ha!

(*Sprawling on the table; Misail is dosing.*)

There he goes, goes, goes...

There he goes driving us on...

His cap

sticks out like a gatepost

and his caftan is just filthy.

(*doses*)

GRIGORY

(*coming up to the innkeeper*)

Mistress!

Where does this road lead?

INNKEEPER

To Lithuania, father.

GRIGORY

And is it far to Lithuania?

INNKEEPER

No, my dear, not far,

you could get there by this evening

if it were not for the frontier barriers...

GRIGORY

What? There are frontier barriers?

INNKEEPER

Someone has run away from Moscow,

and there are orders to detain everyone,

and give them a looking over.

GRIGORY

Ha! There you are.

What a proper state of affairs this is!

VARLAAM

(*waking*)

Fell over he did,

and there he is lying there,

(*doses*)

can't get up, he can't.

ГРИГОРИЙ
А кого им нужно?

ХОЗЯЙКА
Уж не знаю, вор ли,
разбойник какой,
только проходу нет
от приставов проклятых.

ГРИГОРИЙ
(Задумчиво.)
Так...

ХОЗЯЙКА
А чего поймают?
Ничего, ни беса лысого!
Будто только и пути,
что столбовая!
Вот, хоть отсюда:
свороти налево,
да по тропинке, и иди
до Чеканской часовни,
что на ручью;
а оттуда на Хлопино,
а там на Зайцево,
а тут уж всякий мальчишка
до Литвы тебя проводит...
От этих приставов
только и толку,
что теснят прохожих,
да обирают нас, бедных...

ВАРЛААМ
(Зевает и потягивается сквозь сон.)
Приехал ён,
да – в дверь тук, тук!
(Легкий стук в наружную дверь.)
Да, что есть моченьки
(Сквозь дремоту.)
тук, тук, тук!
(Дремлет.)

(Усиленный стук в дверь.)

ХОЗЯЙКА
(Прислушивается.)
Что там ещё?
(Идет к окну и пристально всматривается.)
Вот они проклятые!
Опять с дозором идут!

(Отворяет дверь. Усердно и низко кланяется
входящим приставам. Входят пристава и у
дверей наблюдают за бродягам.)

GRIGORY
Who are they after?

INNKEEPER
I don't know whether he a thief
or some sort of brigand,
only there's no way through
on account of those damned police officers.

GRIGORY
(*thoughtfully*)
So...

INNKEEPER
And what will they catch?
Nothing, not a damned thing!
As if the only way through
was the highroad!
If you go from here, for instance,
just turn left,
and take the path,
walk on as far as the Chapel of Chekan,
that stands on the stream;
from there go on to Khlopino,
and from there to Zaytsevo.
Then any lad you come across
can show you the way into Lithuania...
The only thing these
police officers are good at
is to harass passers-by
and fleece us, poor folk...

VARLAAM
(*yawning and stretching in his sleep*)
Came, he did
and went bang, bang on the door!
(*a feint knock at the door*)
As hard as he could
(*through his sleep*)
Bang, bang, bang!
(*doses*)

(*a louder knock on the door*)

INNKEEPER
(*listening*)
What now?
(*goes to the window and takes a good look*)
It's them, the damn nuisances,
doing their patrols again!

(*She opens the door and hastens to deliver a low bow to
the officers who enter. The officers enter and in the
doorway they watch the vagrants.*)

ВАРЛААМ

(Пробуждается и снова погружается в дремоту.)

16 Как едет ён, едет ён, ён...

Да погоняет ён...

ПРИСТАВ

(Жадается к дремлющим бродягам. Схватывая Варлаама и Мисаила за ворот.)

Вы что за люди?

(Оторопев, оба вскакивают.)

МИСАИЛ, ВАРЛААМ

(Жалобно, со смирением.)

Старцы смиренные,
иноки честные,
ходим по селениям,
собираем милостыньку.

ПРИСТАВ

(Григорию.)

А ты кто такой?

МИСАИЛ, ВАРЛААМ

(Оба поспешно.)

Наш товарищ.

ГРИГОРИЙ

(Бойко подходит к приставу, небрежно.)

Мирянин из пригорода...

Проводил старцев до рубежа,

(Кланяясь.)

иду восвосяси.

(Пристава шепчутся.)

ПРИСТАВ

Парень-то, кажется, гол:

плоха пожива...

Вот разве старцы...

Гм!

(Откашливается и подходит к столу.)

Ну, отцы мои,

каково промышляете?

ВАРЛААМ

Ох! Плохо, сыне, плохо!

Христиане скупы стали,

деньгу любят, деньгу прячут,

мало Богу дают.

Прииде грех велий

на языцы земнии.

Ходишь, ходишь,

молишь, молишь,

еле-еле три полушки вымолишь.

VARLAAM

(wakes up and then doses off again)

There he goes, goes, goes...

There he goes driving us on...

POLICE OFFICER

(steals over to the sleeping vagrants. Seizing Varlaam and Misail by the scruff of the neck)

What sort of people are you?

(Struck dumb, both jump up.)

MISAIL, VARLAAM

(plaintively and with humility.)

We are humble fathers,
honest monks
wandering from village to village,
Gathering alms.

POLICE OFFICER

(to Grigory)

And who are you?

MISAIL, VARLAAM

(both hastily)

Our friend.

GRIGORY

(coming up smartly to the officer, nonchalantly)

I am a layman from out of town...

I have been showing these venerable fathers to the border,

(bowing)

And now I'm going home.

(The officers whisper to one another.)

POLICE OFFICER

It looks like this lad is hasn't got anything:

There's nothing to be gained from him...

Now perhaps the old fathers...

Hm!

(clears his throat and comes up to the table)

Now, my fathers,

How is life treating you?

VARLAAM

Oh! It's bad, my son, bad!

Christians have grown mean,

they love their money and hide it,

they give little to God.

A great sin has befallen

the heathen folk of our land.

You walk from one place to another,

you pray and pray

but you barely receive three quarter-copecks.

Что делать?

С горя и остальное пропешь.

Ох, пришли наши
последние времена.

ХОЗЯЙКА

(В сторону, жалобно.)

Господи, помилуй и спаси нас!

(В продолжении Варлаамовой речи пристав
значительно всматривается в Варлаама.)

ВАРЛААМ

(Чувствуя на себе взгляд пристава,
беспокоится.)

Что ты на меня так
пристально смотришь?

ПРИСТАВ

А вот что:

(Товарищу.)

Алёха! При тебе указ?

Давай сюда!

(Берет указ.)

(Варлааму.)

Видишь: из Москвы

бежал некий еретик,

Гришка Отрепьев.

Знаешь ли ты это?

ВАРЛААМ

(Смирненно.)

Не знаю.

ПРИСТАВ

Ну, и царь велел его, еретика,

изловить и повесить.

Слыхал ли ты это?

ВАРЛААМ

Не слыхал.

ПРИСТАВ

Читать умеешь?

ВАРЛААМ

Нет, сыне,

не умудрил Господь.

ПРИСТАВ

(Сует Варлааму указ.)

Так вот тебе указ!

ВАРЛААМ

(Отстраняя указ; в ужасе.)

На что он мне?

What's to be done?

Out of grief you squander the rest on drink.

Oh, our final hours
have come.

INNKEEPER

(*aside, plaintively*)

O Lord, forgive us and save us!

(*Whilst Varlaam has been speaking, the officer has been
studying him in a meaningful fashion.*)

VARLAAM

(*Feeling the officer's gaze, he becomes anxious.*)

Why are you

looking at me so intently?

POLICE OFFICER

This is why:

(*to his comrade.*)

Alyokha! Have you got the edict with you?

Give it here!

(*takes the edict*)

(*to Varlaam*)

You see: a certain heretic

has fled from Moscow,

he's called Grishka Otrep'yev.

Did you know that?

VARLAAM

(*humbly*)

No, I didn't.

POLICE OFFICER

Now the tsar has given orders

to catch the heretic and hang him.

Have you heard this?

VARLAAM

No, I haven't heard.

POLICE OFFICER

Can you read?

VARLAAM

No, my son,

the Lord did not deign it to be so.

POLICE OFFICER

(*thrusts the edict at Varlaam*)

Here's the edict!

VARLAAM

(*pushing the edict aside; horrified*)

What's that to do with me?

ПРИСТАВ

Этот еретик, разбойник,
вор, Гришка – ты!

ВАРЛААМ

Вона!

Что ты, Господь с тобой!

ХОЗЯЙКА

(В сторону.)

Господи, и старца-то
в покое не оставят!

ПРИСТАВ

Эй! Кто здесь грамотный?

(Все переглядываются. Общее молчание.)

ГРИГОРИЙ

(Подходя к приставу.)

17 Я грамотный.

ПРИСТАВ

(Озадаченный.)

Эва!

(Подает Григорию указ.)

Ну, читай...

Вслух читай!

ГРИГОРИЙ

(Читает.)

Чудова монастыря
недостойный чернец Григорий,
из роду Отрепьевых,
научен диаволом, вздумал
смущать святую братию
всякими соблазны и
беззакониями.
А бежал он, Гришка,
к границе Литовской,
и царь приказал изловить его...

ПРИСТАВ

И повесить!

ГРИГОРИЙ

Здесь не сказано повесить.

ПРИСТАВ

Врешь!

Не всяко слово в строку пишется.

Читай: изловить и повесить.

ГРИГОРИЙ

И повесить.

POLICE OFFICER

That heretic, that brigand,
that thief, Grishka – it's you!

VARLAAM

Get away with you!

What do you mean, heavens alive!

INNKEEPER

(aside)

Lord above, they don't

Even leave the venerable fathers in peace!

POLICE OFFICER

Hey! Who can read here?

(Everyone looks at one another. No one speaks.)

GRIGORY

(coming up to the officer)

I can read.

POLICE OFFICER

(set aback)

Well, how about that!

(hands Grigory the edict)

So, go on then...

Read it aloud!

GRIGORY

(reads)

From the Chudov Monastery
the unworthy monk Grigory,
with the surname Otrepyev,
being instructed by the devil, took it into his head
to lead astray the holy brethren
with all kinds of temptations and
unlawful actions.
He, Grishka, has fled
to the Lithuanian frontier,
and the tsar has ordered that he should be caught...

POLICE OFFICER

And hung!

GRIGORY

There's nothing here about hanging.

POLICE OFFICER

Liar!

They don't write every word out.

Read: catch and hang him.

GRIGORY

And hang him.

(Читает.)

А лет ему...

(Глядя искоса на Варлаама.)

Гришке... от роду...

пятьдесят...

борода седая, брюхо толстое,

нос красный...

ПРИСТАВ

Держи его! Держи, ребята!

(Все бросаются на Варлаама.)

ВАРЛААМ

(Быстро отбрасывает их в сторону. Сжав

кулаки, в боевой позе.)

Что вы!

Пострелы окаянные!

Чего пристали?

Ну, какой я Гришка!

(Вырывает у Григория указ.)

Нет, брат, молод

шутки шутить!

Хоть по складам умею,

хоть плохо разбираю,

а разберу!

Разберу, коль дело-то

до петли доходит!

(Читает по складам.)

А... ле... лет, а лет ему...

(Вглядываясь в указ.)

двадцать!

(Григорию.)

Где ж тут пятьдесят?

Видишь!

(Читает.)

А росту он

(Григорий отступает к двери.)

среднего, волосы...

рыжие, на носу...

на носу бородавка,

на лбу... другая.

(Григорий у окна; одна рука за
пазухой.)

Одна рука... рука...

короче... короче другой...

(Подкрадываясь к Григорию.)

Да это уж не...

(Григорий замахивается ножом и выскакивает в
окно.)

(reads)

The age of...

(giving a sidelong look at Varlaam)

Grishka... is...

Fifty...

He has a grey beard, a fat paunch,

and a red nose...

POLICE OFFICER

Hold him! Hold him, lads!

(Everyone jumps on Varlaam.)

VARLAAM

(Quickly pushes them aside. Clenching his fists, he
adopts an offensive pose.)

What do you mean!

You damned rascals!

Why pick on me?

How can I be Grishka!

(snatches the edict from Grigory)

No, brother, you are too young

To go playing jokes!

Even if I have to spell out the words,

even if I make them out badly,

I will make them out!

I will make them out,

if it's a hanging matter!

(spells out the words)

His a-a-ge, his age...

(scrutinising the edict)

Twenty!

(to Grigory)

Where's your fifty?

You see!

(reads)

He is of

(Grigory moves back towards the door.)

Medium height, his hair is...

red, on his nose...

on his nose there is a wart,

and another... on his forehead.

(Grigory is standing by the window; one hand is inside
his tunic.)

One hand... hand...

Is shorter... shorter than the other...

(looks at Grigory and steals up to him)

It can't be...

(Grigory brandishes a knife and leaps out through the
window.)

МИСАИЛ, ВАРЛААМ, ПРИСТАВ
Держи, держи, держи его!

ВАРЛААМ
Держи!

ПРИСТАВ
Держи!

МИСАИЛ
(Оборачиваясь к двери.)
Держи его!

(После минутного недоумения догадываются и
выбегают в дверь с криками “держи вора!”)

MISAIL, VARLAAM, POLICE OFFICER
Hold him, hold him!

VARLAAM
Hold him!

POLICE OFFICER
Hold him!

MISAIL
(turning towards the door.)
Hold him!

(After a moment of bewilderment, they understand what
has happened, and run out of the door with cries of ‘stop
thief!’)

CD 2

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Внутренность царского терема в Московском Кремле. Пышная обстановка. Ксения плачет над портретом жениха. Царевич занят “Книгою большого чертежа”. Мамка за рукодельем. Слева, в углу, часы с курантами.

КСЕНИЯ

1 Где ты, жених мой;
где ты, мой желанный!
Во сырой могилке,
на чужой сторонке;
лежишь одиноко,
под камнем тяжёлым...
Не видишь ты скорби,
не слышишь ты плача,
плача голубки,
как ты, одинокой...
(Плачет.)

ФЕОДОР

Ксения! Не плачь, голубка!
Горе люто, правда,
да не слезами, не воплем
избудешь тяжкую кручину...

КСЕНИЯ

Ах, Феодор!
Не мне он достался,
а сырой могилке!
Нет мне больше счастья,
ноет бедное сердце...

ФЕОДОР

Не томись, не кручинься,
Ксения, голубка!
(Указывая на куранты.)
Гляди-ко!
Часы пошли!
Куранты заиграли!
(Подводит Ксению.)
А про те часы писано:

(Мамка всматривается в часы.)

как часы и перечасья забьют,
и в те поры в трубы
и варганы заиграют,
и в накры, и люди выходят,
и люди те...

CD 2

АКТ TWO

The royal apartments in the Moscow Kremlin. Sumptuous trappings. Xenia is weeping over a portrait of her betrothed. The tsarevich is busy with the 'Great Atlas'. A nurse is at her needlework. On the left in the corner is a chiming clock.

XENIA

Where are you, my dear husband;
where are you, my beloved!
In the damp grave,
in a foreign land;
you lie alone,
under a heavy stone...
Do you not see the grief,
do you not hear the weeping,
the weeping of your darling,
who is alone as you are...
(weeps)

FYODOR

Xenia! Don't weep, my dearest!
Your grief is bitter, it is true,
but you cannot rid yourself of such sorrow
with tears and with wailing...

XENIA

Ah, Fyodor!
It is not I who claimed him
but the damp grave!
I have no happiness left,
my poor heart aches...

FYODOR

Do not pine, do not grieve,
dearest Xenia!
(pointing at the chimes)
Look there!
the clock has started up,
it has started chiming!
(He takes Xenia over to the clock.)
Of this clock it is said that

(The nurse looks at the clock.)

when it strikes the quarter hour
the sounds of trumpets and Jew's harps
start to play,
and drums too, and figures come out.
The figures...

(Мамке.)

Глянь-ко, мама, как живые, вишь!

КСЕНИЯ

Жених ты мой, милый,
милый мой королевич!

Тоскует сердце...

По тебе, желанный!

(Плачет.)

МАМКА

(Плюет и быстро оборачивается к Ксении.)

2 А-у!

Полно, царевна, голубушка!

Полно плакать да увиваться.

КСЕНИЯ

Ах, грустно, мамушка,
так грустно!

МАМКА

И, что ты, дитятко!

Девичьи слезы, что роса:

взойдет солнышко,

росу высушит.

Не клином свет сошелся!

Найдем мы жениха и

пригожего, и приветливого...

забудешь про Ивана-Королевича...

КСЕНИЯ

Ах, нет, нет, мамушка!

Я и мёртвому буду ему верна.

МАМКА

Вот как! Мельком видела,
уж иссохнула...

Скучно стало девице одной,
полюбился молодец лихой.

Как не стало молодца того,
разлюбила девица его.

Эх, голубка, то-то твое горе!

Лучше прислушай-кась,
что я тебе скажу.

(Подходит к Ксении.)

3 Как комар дрова рубил,

комар воду возил,

клопик тесто месил,

комару обед носил.

Налетела стрекоза

на поповы на луга.

И давай кутить, мутить,

сено в реку воротить.

Осерчал комар

за дьяков товар:

(to the nurse)

Look nanny, they are so lifelike, see!

XENIA

My dearest husband,

my darling prince!

my heart grieves...

For you, my beloved!

(She weeps.)

NURSE

(spits and swiftly turns around to Xenia)

Ah!

That's enough now, my precious tsarevich!

That's enough weeping and grieving.

XENIA

Ah, I feel sad, nanny!

So sad.

NURSE

What do you mean, child!

A maiden's tears are like dew –

as soon as the sun come up,

it dries the dew.

The world is large enough!

We'll find you a new betrothed

and a handsome, comely one too...

You'll forget about Prince Ivan...

XENIA

Ah, no, no, nanny!

I shall be faithful to him even in death.

NURSE

Really! You hardly saw him

and now you have withered away...

Things were tedious for a maiden all alone.

And dashing lad took a fancy her,

but now that the dashing lad is no more,

the maiden stopped loving him.

There, my dear, that is your grief!

You would be better off

listening to what I say.

(goes up to Xenia)

So the gnat was chopping some firewood,

the gnat was carrying water,

a bedbug was kneading dough,

he was bringing the gnat his dinner.

In flew a dragonfly

onto the Priest's meadows.

And off he went on the spree, and caused a stir,

putting hay into the river.

The gnat got angry

about the clerk's wares:

побежал бегом за сеном,
стал гонять стрекоз поленом.
На комарью на беду,
по полену сорвалось,
по стрекозам не попало,
рёбра комару сломало.
На подмогушку ему,
раным-рано по утру,
клоп лопату приволок,
комару под самый бок.
Да невздужил, изнемог,
комара поднять не смог.
Животочек надорвал...
Богу душеньку отдал...

ФЕОДОР

4 Эх, мама, мамушка,
вот так сказочка!
Вела за здравье,
свела за упокой!

МАМКА

Ништо, царевич!
Аль получше знаешь?
Похвастай-кась!
Мы слушать терпеливы...
Мы ведь у батюшки,
царя Ивана,
терпенью обучались.
Ну-кась!

ФЕОДОР

Ой, мама!
Смотри, не вытерпишь!
Сама подтянешь!

(Игра в хлест. Феодор увлекает мамку в игру.
Оба ходят в круги, стараясь хлестнуть, пятнать
друг друга.)

Сказочка про то и про сё:
как курочка бычка родила.
Поросёночек яичко снес.
Сказка поётся,
дурням не даётся...
(Встает, становится напротив мамки и, в
течение песенки, бьет в ладоши.)
Туру, туру, петушок,
ты далёко ль отошел?
За море, за море,
к Киеву городу.
Там дуб стоит развесистый,
на дубу сыч сидит увесистый.
Сыч глазом моргнет,
сыч песню поёт:

he ran off at the double to get some hay,
and started to chase the dragonflies with a log.
Unfortunately for the gnat
the log broke.
It missed the dragonflies,
and the gnat broke his ribs.
To help him,
bright and early in the morning
the bedbug dragged over a shovel
and put it right under the gnat's flank.
But he fell sick, grew faint,
and could not lift the gnat.
He ruptured himself...
and gave up his soul to God...

FYODOR

Ah, nurse, nanny,
now there's a tale!
It began on a cheerful note
and ended on a sad one!

NURSE

All right, tsarevich!
Do you know a better one?
Or are you boasting!
We have the patience to listen...
After all, we learned patience
from the little father,
Tsar Ivan.
Go on then!

FYODOR

Ha, nanny!
Look, you won't be able to hold back!
You will want to join in yourself!

(*The game of tag. Fyodor draws the nurse into the game.
Both walk in circles trying to slap and tag one another.*)

A little tale of this and that:
how a hen gave birth to a bull-calf.
A piglet laid an egg.
The story is sung
but fools can't do it...
(*He stands up facing the nurse, whilst singing his song,
clapping his hands.*)
Turu, turu, cockerel,
is it far away you've gone,
beyond the sea, beyond the sea,
to the city of Kiev.
There stands an oak with many branches,
and on that oak sits tawny owl.
Tawny owl he winks his eye,
tawny owl he sings a song:

Дзинь, дзинь, передзинь,
постригули, помигули,
тьень, тень, потетень,
за колоду да на пень!
Шагом, магом, четвертагом.

МАМКА

(Бьет в ладоши.)
Сыч глазом моргнёт,
сыч песню поёт:
Дзинь, дзинь, передзинь,
постригули, помигули,
тьень, тень, потетень,
за колоду да на пень!
Шагом, магом, четвертагом.
(Бьет в ладоши.)

ФЕОДОР

(Перестает бить в ладоши.)
Как у дьяка на селе
зародили воробья:
совсем воробей
совсем молодой:
клиноносенький,
востроносенький.
Полетел воробей
прямо в гости к сычу,
стал шептать на ушко,
усатому:
(Бьет в ладоши.)

МАМКА

Стал шептать на ушко,
усатому:
парни дьяковы
горох молотили,
цепы поломали,
в овин побросали.
Овин загорелся,
польем пышет,
дьяку в окно
стало видно его.

ФЕОДОР, МАМКА

Дьяк испугался,
залез под подушку,
щемил себе ушко...

ФЕОДОР

Писарь, с печи, оборвал плечи.
Дьякова жена калачей напекла.
Набежали пристава,
все поели калачи...

Ting, ting ding-a-ling,
magical, tragical,
dark, dark is the dark
tree magician hides the mark,
stepping, slipping, on branches tripping.

NURSE

(*clapping her hands*)
Tawny owl he winks his eye,
tawny owl, he sings a song:
ting, ting, ding-a-ling,
magical, tragical,
dark, dark is the dark
tree magician hides the mark,
stepping, slipping, on branches tripping.
(*claps her hands*)

FYODOR

(*stops clapping*)
There was a clerk in a village
to whom a sparrow was born:
an ordinary sparrow
a young one:
with a beak like a wedge,
a pointed little beak.
The sparrow flew directly
to stay with tawny owl,
and he started whispering
into his ear:
(*claps his hands*)

NURSE

And he started whispering
into his ear:
the clerk's lads
were thrashing corn,
they broke their flails
and threw them into the barn.
The barn burned down,
it blazed fiercely
and from his window
the clerk saw it.

FYODOR, NURSE

The clerk took fright.
He crawled under the pillow,
and pinched his ear...

FYODOR

The secretary hit his shoulder on the stove.
The clerk's wife baked some buns.
The police came running
and they ate all her buns...

ФЕОДОР, МАМКА
 Сам набольший
 съел корову, да быка,
 семьсот поросят,
 одни ножки висят...
 (Входит Борис.)

ФЕОДОР
 (Бьет Мамку по плечу.)
 Хлѣст!

МАМКА
 (Увидя Бориса, приседает к полу.)

5 Ах-ти!

(Федор отходит к столику и снова занимается
 “Книгою большого чертежа”).

БОРИС
 Чего? Аль лютый зверь
 наседку всполохнул?

МАМКА
 Царь, государь, помилуй!
 Под старость-то
 пуглива больно стала.

БОРИС
 (Идет к царевне и обнимает ее.)
 Что, Ксения?
 Что, бедная голубка!
 В невестах уж
 печальная вдовица!
 Всё плачешь ты
 о мёртвом женихе.

КСЕНИЯ
 О, государь!
 Не огорчайся ты
 слезой девичьей!
 Девичье горе так
 легко, ничтожно
 перед твоею скорбью!

БОРИС
 (Ласкает Ксению.)
 Дитя моё, моя голубка!
 Беседой тёплой
 с подругами в светлице
 рассеяй свой ум от дум тяжѣлых.
 (Целует дочь.)
 Иди, дитя!

(Ксения с мамкой уходят. Смотрит вслед
 дочери. Подходит к сыну.)

FYODOR, NURSE
 The biggest one
 ate up a cow and an ox,
 seven hundred piglets
 and only their little trotters were left dangling...
 (Enter Boris.)

FYODOR
 (slaps the nurse on the shoulder)
 Tag!

NURSE
 (Seeing Boris, she squats down on the floor.)
 Ah!

(Fyodor goes over to the table and again studies his 'Big
 Atlas'.)

BORIS
 What? Has a wild beast
 startled the broody hen?

NURSE
 Our Tsar and sovereign, be merciful!
 In my dotage
 I have become terribly timid.

BORIS
 (goes over to the tsarevna and embraces her)
 What is it, Xenia?
 What is it, my poor darling!
 Married and
 a poor widow already...
 You weep all the time
 about your departed husband.

XENIA
 O, sovereign!
 Do not distress yourself
 over a maiden's tears!
 A maiden's grief is
 a mere trifle
 in comparison with your sorrows!

BORIS
 (caresses Xenia)
 My child, my dearest child!
 Through affable conversation
 with your companions in your room,
 rid your mind of these morose thoughts.
 (kisses his daughter)
 Go now, child...

(Xenia and the Nurse go out. Boris follows his daughter
 with his eyes. He comes up to his son.)

А ты, мой сын, чем занят?
(Увидя географическую карту.)
Это что?

ФЕОДОР

Чертёж земли Московской,
наше царство, из края в край.
(Показывая по Большому чертежу.)
Вот видишь: вот Москва,
вот Новгород, а вот Казань...
Астрахань.
Вот море, Каспий-море;
вот Пермские дремучие леса.
А вот Сибирь.

БОРИС

Как хорошо, мой сын!
Как с облаков, единым взором,
ты можешь обозреть всё царство:
границы, реки, грады.
Учись, Феодор!
Когда-нибудь,
и скоро, может быть,
тебе всё это царство достанется.
Учись, дитя!

(Феодор отходит в углубление сцены и возвращается к своим занятиям; Борис, идет к столу и садится в раздумьи, перебирая свитки и пергаменты.)

- 6 Достиг я высшей власти.
Шестой уж год я
царствую спокойно.
Но счастья нет
моей измученной душе!
Напрасно мне кудесники
сулят дни долгие,
дни власти безмятежной.
Ни жизнь, ни власть,
ни славы обольщенья,
ни клики толпы
меня не веселят!
В семье своей
я мнил найти отраду,
готовил дочери
весёлый брачный пир,
моей царевне,
голубке чистой.
Как буря, смерть
уносит жениха...
(Задумывается.)
- 7 Тяжка десница
грозного судии,
ужасен приговор

And you, my son, what are you doing?
(*seeing the map*)
What is this?

FYODOR

It's a map of the lands of Muscovy,
our kingdom from one border to the other.
(*pointing out on the map*)
You see: here's Moscow,
here's Novgorod, and there is Kazan...
here's Astrakhan,
there's the sea, the Caspian Sea.
Here are the sleepy forests of Perm,
and here's Siberia.

BORIS

Well done, my son.
As if from the clouds with a single glance
you are able to survey the entire kingdom:
its frontiers, its rivers and cities.
Study, Fyodor!
One day,
soon perhaps, this entire kingdom
will fall to you;
study, my child.

(*Fyodor goes to the back of the stage and returns to his studies; Boris goes over to the table and sits in thought as he sorts through the scrolls and parchments.*)

I have achieved supreme power,
for six years already
my rule has been peaceful,
but there is no happiness
in my tormented soul.
It is in vain that the soothsayers
Promise me a long life
and days of untroubled power.
Neither life, nor power,
nor the delusion of fame,
nor the shouts of the crowd
can cheer me!
In my family
I imagined I would find happiness,
I prepared a joyous wedding feast
for my daughter,
my own innocent darling
the tsarevna.
Like a storm, death
carried off the bridegroom!
(*grows pensive*)
How heavily weighs
the right hand of the awesome judge,
how terrible his sentence

душе преступной...
 Окрест лишь тьма
 и мрак непроглядный!
 Хотя мелькнул бы
 луч отрады!
 И скорбью сердце полно,
 тоскует, томится
 дух усталый.
 (Шепотом.)
 Какой-то трепет тайный...
 Все ждёшь чего-то...
 Молитвой тёплой
 к угодникам Божиим
 я мнил заглушить
 души страданья...
 В величьи и блеске
 власти безграничной,
 Руси владыка, я слёз
 просил мне в утешенье...
 А там донос: бояр крамола,
 козни Литвы, и
 тайные подкопы,
 Глад, и мор, и трус,
 и разоренье...
 Словно дикий зверь
 рыщет люд зачумленный;
 голодная, бедная
 стонет Русь...
 И в лютом горе,
 ниспосланном Богом,
 за тяжкий наш грех
 в испытанье,
 виной всех зол
 меня нарекают,
 клянут на площадях
 имя Бориса!
 И даже сон бежит,
 и в сумраке ночи
 дитя окровавленное встаёт...
 Очи пылают,
 стиснув ручёнки,
 просит пощады...
 И не было пощады!
 Страшная рана зияет!
 Слышится крик его
 предсмертный...
 (Вскакивает и тяжело опускается в кресло.)
 О, Господи, Боже мой...

МАМКИ
 (За сценою.)

8 Ай, кыш!

on the criminal soul...
 All around there is but darkness
 and impenetrable gloom!
 If there were only
 a ray of happiness!
 My heart is full of sorrow,
 and my weary spirit
 pines and languishes.
 (*in a whisper*)
 Some kind of secret trepidation...
 and you for ever expect...
 With a fervent prayer
 to the Lord's saints
 I imagined that I could silence
 The sufferings of my soul...
 amid all the grandeur and the splendour
 of limitless power,
 the master of all Russia, I begged
 for tears of consolation...
 but I get reports: the sedition of the boyars
 the machinations of Lithuania, and
 secret schemes to undermine our power.
 Hunger, pestilence, earthquakes
 and destruction...
 Like a wild beast,
 our plague-ridden people roam about;
 poor, starving
 Russia is groaning...
 and in the our dire sorrow
 sent down by God
 for our grievous sins
 as a trial,
 I am named
 the cause of all these misfortunes,
 and on the squares
 people curse the name of Boris!
 Even sleep eludes me
 and in the darkness of the night
 the blood-stained child rises up before me...
 His eyes blaze
 and clenching his little hands,
 he begs for mercy...
 but there was no mercy!
 The terrible wound gapes wide!
 The sound of his
 mortal cry...
 (*jumps up and sinks heavily into the chair*)
 O Lord, o, my God...

WET NURSES
 (*off-stage*)
 Ah, shoo!

БОРИС
(Тревожно.)
Что такое?

BORIS
(*anxiously*)
What is that?

МАМКИ
Ай, кыш, кыш!
Ах-ти!

WET NURSES
Ah, shoo, shoo!
Ah!

БОРИС
(Сыну гневно, с криком.)
Узнай, что там случилось!
(Феодор уходит.)

BORIS
(*to his son, angrily*)
Find out what has happened!
(*Fyodor goes out.*)

МАМКИ
Кыш, кыш! Ай!

WET NURSES
Shoo, shoo! Ah!

БОРИС
(В сильном раздражении.)
Эк воют-то!

BORIS
(*extremely irritated*)
What a din!

(Входит ближний боярин и бьёт челом,
протягивая руки.)

(*The Boyar-in-attendance enters, prostrates himself and stretches out his arms.*)

МАМКИ
Кыш! Кыш! Кыш!
Ой, лихонько!...

WET NURSES
Shoo! Shoo! Shoo!
Ha! That was nasty!...

БОРИС
(Боярину.)
Ты зачем?
(Пристально смотрит на боярина с притворным
спокойствием.)

BORIS
(*to the boyar*)
What do you want?
(*gazes intently at the boyar with feigned calmness*)

МАМКИ
Кыш! Кыш!

WET NURSES
Shoo! Shoo!

БОРИС
Что ж молчишь?
Ну!
БОЯРИН
Великий государь!
Тебе князь Василий
Шуйский челом бьёт.

BORIS
Have you lost your tongue?
Well!
BOYAR
Mighty sovereign!
Prince Vasily Ivanych Shuisky
petitions you.

БОРИС
Шуйский? Зови!
Скажи, что рады видеть
князя и ждем его беседы.

BORIS
Shuisky? Call him in...
Tell him that we are pleased
to see the prince and wait to hear what he says.

БОЯРИН
(Вскакивает и шепчет Борису на ухо.)
Вечер, Пушкина холоп
пришёл с доносом на
Шуйского, Мстиславского
и прочих, и на хозяина:

BOYAR
(*Jumps up and whispers in Boris's ear.*)
Yesterday evening, Pushkin's servant
came with a denunciation
of Shuisky, Mstislavsky,
others, and his own master:

ночью тайная беседа шла у них,
 гонец из Кракова
 приехал и привёз...

БОРИС

Гонца схватить!
 (Боярин уходит.)
 А-га, Шуйский князь!
 (Входит Феодор. Феодору, тревожно.)
 Ну что? С чего там
 дуры бабы взвыли?

ФЕОДОР

Всё попка наш.

БОРИС

Попка?

ФЕОДОР

Непригоже было б,
 отче государь,
 ум твой державный утруждать
 рассказом вздорным.

БОРИС

Нет, нет, дитя!
 Всё, слышишь, всё, как было.

ФЕОДОР

9 опинька наш сидел
 с мамками в светлице,
 без умолку болтал,
 весел был и ласков.
 К мамушкам подходил,
 просил чесать головку,
 к каждой он подходил,
 черёд им соблюдаю.
 Мамка Настасья
 чесать не захотела,
 попинька, осердясь,
 назвал мамку дурой.
 Мамка, с обиды что ль,
 хватя его по шейке,
 попка как закричит,
 дыбом встали перья.
 Ну, его ублажать,
 угощать его сладями,
 всем причетом молить,
 ласкать его, покоить.

БОРИС

Ну, уж, дуры!

last night they had secret talks,
 a messenger from Krakow
 arrived and brought...

BORIS

Seize the messenger!
 (*The courtier hastily goes out.*)
 Aha, Prince Shuisky!
 (*Enter Fyodor. To Fyodor anxiously.*)
 Well? Why were those
 silly women howling?

FYODOR

It was all on account of our parrot.

BORIS

The parrot?

FYODOR

It would not be fitting,
 Sire,
 to burden your thoughts so full of the affairs of state
 with this silly story.

BORIS

No, no, child!
 Tell me everything, everything, you hear, as it was.

FYODOR

Our little parrot was sitting
 with the wet nurses in the day room;
 he was chattering non-stop,
 and was cheerful and affectionate.
 He came up to the nannies,
 and asked each of them to scratch his head.
 he came up to each of them
 in turn.
 Nanny Nastasia
 didn't want to give him a scratch,
 and the parrot got annoyed,
 and called her a fool.
 Nanny took offence
 and grabbed him around the neck.
 The parrot started shrieking
 and fluffing up his feathers.
 They tried to humour him,
 regaled him with sweetmeats,
 entreated him with all manner of exhortations,
 caressing him and calming him.

BORIS

The silly women!

ФЕОДОР

Да нет, не тут-то было!
Хмурый такой сидит,
нос уткнувши в перья...

БОРИС

Ещё бы!

ФЕОДОР

На сласти не глядит,
что-то всё бормочет...
Вдруг к мамке подскочил,
чесать что не хотела,
давай её долбить,
та и грохнулася об пол.
Тут мамки, со страстей,
словно взбеленились,
стали махать, кричать,
попиньку загнать хотели.
Да невпросак,
попка каждую отметил.
Вот, отче государь,
они, глядишь, и взвыли,
думу царскую твою
думать помешали.
Вот, кажись, и всё,
всё, как было.

БОРИС

(Любовно ласкает сына.)

10 Мой сын, дитя моё родное!
С каким искусством, как бойко
ты вёл свой рассказ правдивый;
как просто, бесхитростно, ловко
сумел описать случай потешный.
Вот сладкий плод ученья,
истины светом
ума окрыленье.
О, если бы я мог тебя царём увидеть,
Руси правителем державным,
о, с каким восторгом,
презрев соблазны власти,
на то блаженство я
променял бы посох царский.
Но когда, дитя,
правителем ты станешь,
старайся избирать
советников надёжных;
бойся Шуйского
изветов коварных,

(Входит Шуйский.)

советник мудрый,
но лукав и зол...

FYODOR

But no, nothing of the sort!
He sits there glumly
with his beak tucked in his feathers...

BORIS

I should say so!

FYODOR

He didn't look at the sweetmeats
and kept muttering something all the time...
Suddenly he came jumping towards the nanny
who didn't want to scratch him.
He started pecking at her
and she fell with a crash on the floor.
Then, in their terror,
the nurses went crazy.
They started waving their arms and shouting,
trying to drive the parrot away.
He wasn't going to be caught out, though,
and the parrot left his mark on each of them.
So, you see, Sire, it was they
who caused all that yelling
and stopped you thinking
your lordly thoughts.
I think that is everything,
everything as it happened.

BORIS

(tenderly caressing his son)

My son, my own dear child!
With what art, and how vividly
you related your truthful story;
with what simplicity, artlessness and ease
you were able to describe the amusing story.
Here are the sweet fruits of learning,
truths given wing by the enlightenment
of the mind.
O, if I could see you tsar,
the powerful ruler of Russia,
and with what rapture,
despising the temptations of power,
for that bliss,
I would exchange my royal staff.
But when you become ruler,
my child,
try to choose
trustworthy councillors;
be wary of Shuisky's
sly denunciations.

(Enter Shuisky.)

He is a wise councillor,
but cunning and wicked...

ШУЙСКИЙ
Великий Государь,
челом бью.

БОРИС
(Вздвонув.)

[11] А, преславный вития,
достойный коновод
толпы безмозглой;
преступная глава
бояр крамольных,
царского престола супостат.
Наглый лжец, трижды
клятву преступивший,
хитрый лицемер,
льстец лукавый,
просвирня под шапкою
боярской,
обманщик, плут!

ШУЙСКИЙ
При царь Иване
(покой, Господи, его душу)
Шуйские князья
не тем почётом отличались.

БОРИС
Что? Да царь
Иван Васильич Грозный
охотно бы тебя
на угольях поджарил,
сам, свою царскою десницей,
ворочал бы на них
посохом железным,
псалом священный напевая...
А мы не горды,
нам любо миловать
надменного холопа...

ШУЙСКИЙ
Царь!

БОРИС
Что? Что скажешь,
Шуйский князь?

ШУЙСКИЙ
(Подчиненно.)
Царь!... есть...
(Приближаясь к Борису.)
вести, и вести важные
для царства твоего...

БОРИС
Не те ль, что Пушкину,

SHUISKY
Almighty sovereign,
I bow in homage.

BORIS
(*shuddering*)
Ah, the most illustrious orator,
worthy ringleader
of the brainless herd;
the criminal leader
of the seditious boyars
the arch rival of the royal throne.
The impudent liar, who has
broken his oath three times,
the cunning hypocrite,
the sly flatterer,
the woman making communion bread,
whilst wearing the hat of a boyar,
the deceiver and the rogue!

SHUISKY
At the time of Tsar Ivan
(May the Lord rest his soul)
the Shuiskys
were not honoured with such distinction.

BORIS
What? But Tsar
Ivan Vasilyevich, the Terrible,
would have willingly
roasted you on the coals,
he himself with his royal right hand
would have turned you over on them,
using his iron staff as a spit,
whilst singing a holy psalm...
but we are not proud,
it pleases us to pardon
a haughty bond slave...

SHUISKY
Tsar!

BORIS
What? What is it you have to say,
Prince Shuisky?

SHUISKY
(*submissively*)
Tsar!... There are...
(*coming close to Boris*)
Tidings, important tidings
regarding your kingdom...

BORIS
Could it be that a secret envoy

или тебе там, что ль,
привёз посол потайный от
сопрателей, бояр опальных?

ШУЙСКИЙ
(Дерзко.)
Да, государь!
В Литве явился самозванец.
Король, паны и папа за него!

БОРИС
(Тревожно.)
Чьим же именем на нас
он ополчиться вздумал...
Чьё имя, негодяй, украл...
Чьё имя?

ШУЙСКИЙ
Конечно, царь,
сильна твоя держава.
Ты милостью, раденьем
и щедротой усыновил
сердца своих рабов,
душою преданных
престолу твоему.
Хотя и больно мне,
великий государь,
хотя и кровью мое
сердце обольётся,
но от тебя таить не смею,
что если дерзости
исполненный бродяга
с Литвы границу
нашу перейдёт,
к нему толпу быть может
привлечёт Димитрия
воскреснувшее имя!

БОРИС
Димитрия?...
(Феодору.)
Царевич, удались!

ФЕОДОР
О, государь, дозволяю мне
при тебе остаться,
узнать беду, грозящую
престолу твоему...

БОРИС
Нельзя...
Нельзя, дитя!
(Гневно.)
Царевич!
Царевич, повинуйся!

has just brought to Pushkin...
Or could it be to you,
tidings from your cohorts, the disgraced boyars?

SHUISKY
(*audaciously*)
Yes, Sire!
A pretender has appeared in Lithuania,
the king, the gentry and the Pope support him.

BORIS
(*anxiously*.)
Armed with what name
does he think to oppose us...
Whose name, you scoundrel, has he assumed...
Whose name?

SHUISKY
Of course, o Tsar,
your power is great.
By your mercy, your zeal
and generosity, you have
taken the hearts of your slaves to your own,
and they are devoted to your throne
with all their souls.
Although it pains me,
mighty sovereign,
although my heart
bleeds from it,
I do not dare to hide from you,
that if, full of audacity,
that vagrant
crosses our border
from Lithuania,
the resurrected name of Dmitry
could attract
a following around him!

BORIS
Dmitry!
(*to Fyodor*)
Leave us, tsarevich!

FYODOR
But, Sire, allow me
to remain with you
and find out the trouble that threatens
your throne...

BORIS
No...
No, child!
(*angrily*)
Tsarevich!
Tsarevich, do as you are told!

(Феодор уходит. Борис запирает за сыном дверь и быстро подходит к Шуйскому.)

(Fyodor leaves. Boris bolts the door behind his son, then walk swiftly up to Shuisky.)

12 Взять меры, сей же час,
чтоб от Литвы Русь
оградилась заставами,
чтоб ни одна душа
не перешла за эту грань...
Ступай!..
(Вдруг останавливает Шуйского.)
Нет!... постой...
постой, Шуйский!
Слышал ли ты когда-нибудь,
чтоб дети мёртвые
из гроба выходили...
допрашивать царей...
царей... законных,
избранных всенародно,
увенчанных великим
патриархом...
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха...
Что?... Смешно?...
Что ж не смеётся?... А?

Take measures immediately
to put up frontier barriers
between Russia and Lithuania,
so that not a soul can cross
this border.
Go now!..
(He suddenly stops Shuisky.)
No... Wait...
Wait, Shuisky!
Have you ever heard...
of dead children
rising from their graves...
to interrogate tsars...
lawful... tsars
elected by the whole nation...
and crowned
by the great Patriarch...
Ha, ha, ha, ha, ha, ha, ha, ha...
Well... Isn't it funny?...
Why aren't you laughing?... Hm?

ШУЙСКИЙ
Помилуй, великий государь!

SHUISKY
Have mercy, mighty sovereign!

БОРИС
Слушай, князь!
Когда великое
свершилось злодеянье...
когда безвременно
малютка погиб...
и труп его на площади
лежал окровавленный,
тяжкой болью в сердцах
угличан осиротелых
отдаваясь и к мщению их взывая...
Малютка тот... погибший...
был... Димитрий?

BORIS
Listen, prince!
When that terrible
crime was committed...
when the infant
perished prematurely...
and his body lay
all bloody on the square,
when the orphaned people of Uglich,
gave themselves up to the grievous pain
in their hearts and called for vengeance,
that infant... who perished...
was he... Dmitry?

ШУЙСКИЙ
Он!

SHUISKY
It was him!

БОРИС
Василий Ивановыч!
Крестом тебя и Богом
заклинаю, по-совести,
 всю правду мне скажи;
ты знаешь, я милостив:
прошедшей лжи опалого
напрасной не накажу.
Но если ты хитришь,
клянусь тебе!
Придумую я злую казнь,

BORIS
Vasily Ivanovich
I adjure you by the cross
and by God, in all conscience,
to tell me the whole truth:
you know that I am merciful:
I shall not punish you with futile disgrace
for your former lies.
But if you are dissembling...
I swear!
I shall think up a most horrible execution,

такую казнь, что царь Иван
от ужаса во гробе содрогнётся!...
Ответа жду!

ШУЙСКИЙ

И ты не веришь мне?
Ужели усомнился
в преданном рабе твоём,
и казнь лютою страшась?
Не казнь страшна,
страшна твоя немилость!
(Приближаясь к Борису, почти вполголоса;
следа за Борисом.)

13 В Угличе, в соборе,
пред всем народом,
пять с лишком дней
я труп младенца навешал.
Вокруг него
тринадцать тел лежало,
обезображенных, в крови,
в лохмотьях грязных,
и по ним уж тление
заметно проступало;
но детский лик царевича
был светел, чист и ясен;
глубокая, страшная
зияла рана;
а на устах его непорочных
улыбка чудная играла;
казалось, в своей он
колыбельке спокойно спит,
сложивши ручки
и в правой крепко сжав
игрушку детскую...

БОРИС

Довольно!

(Хватается за ручку кресла; дает знак Шуйскому
удалиться. Шуйский уходит, оглядываясь на
Бориса.)

Уф, тяжело!

Дай дух переведу...

Я чувствовал, вся кровь
мне кинулась в лицо
и тяжело опускалась.
О, совесть лютая, как
страшно ты караешь!

(На сцене темнеет. Часы с курантами приходят
в движение.)

Ежели в тебе пятно единое...
единое случайно завелось,

the kind of execution that would make even Tsar Ivan
shudder from horror in his grave!...
Answer me!

SHUISKY

Don't you believe me?

Can it be you doubt
your devoted servant,
and frighten him with a terrible execution?
It is not execution that I fear,
But your displeasure.

*(He comes up close to Boris; almost in a whisper, and
watching Boris.)*

At the cathedral in Uglich,
for more than five days,
and in the sight of all the people,
I went to see the corpse of the infant.

Around him
lay thirteen bodies,
mutilated, blood-stained
and in filthy rags,
and on them the clear signs of putrefaction
had already set in.

But the face of the tsarevich
was radiant, unblemished and bright;
the deep, terrible wound
was gaping wide;
a wondrous smile
played about his unsullied lips;
it looked as if he were
sleeping calmly in his cradle,
with his little arms folded,
whilst in his firmly clenched right hand
he held a child's toy...

BORIS

Enough!

*(He grasps the arm of the armchair; gives a sign to
Shuisky to go. Shuisky leaves, looking back at Boris.)*

Ah, how painful;

let me get my breath.

I felt all my blood
rushing to my face
and then it drained away suddenly.

O, cruel conscience,
what a terrible punishment you exact!

*(The stage darkens. The clock with its chimes springs
into action.)*

If there is a single stain on you...
just one chance stain...

душа сгорит, нальётся
сердце ядом, так тяжко,
тяжко станет...
что молотом стучит в ушах
укором и проклятьем...
и душит что-то...
Душит...
и голова кружится...

(Бьет восемь часов.)

В глазах... дитя...
окровавленное!...
Вон... вон там, что это?
Там, в углу...
Кольшется, растёт...
близится, дрожит и стонет...
Чур, чур...
Не я... не я твой лиходея...
Чур, чур, дитя!
Народ... не я...
Воля народа!...
Чур, дитя!...
(В ужасе закрывает лицо руками и в
изнеможении опускается на колени у кресла.)
Господи!
Ты не хочешь
смерти грешника,
помилуй душу
преступного царя Бориса!...

your soul burns
and your heart is filled with poison.
it becomes painful, so painful...
It hammers in your ears
with its reproaches and it curses...
it somehow suffocates you...
It suffocates...
and your head reels...

(The clock strikes eight.)

The bloodstained child
is in your eyes.
There... over there... what is it?
There, in the corner...
it is hovering, it is getting larger...
it is coming closer... it quivers and groans...
Keep away, keep away...
It is not I... Not I who did you wrong...
Keep away, child!
It was the people... not I...
The will of the people!
Keep away, child!...
*(Horried, he covers his face with his hands, and sinks
to his knees exhausted near the armchair.)*
O Lord,
Thou dost not wish
to claim the life of a sinner...
have mercy on the soul of the
criminal Tsar Boris!...

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина

Уборная Марины Мнишек в Сandomирском замке. Марина за туалетом. Руза убирает ей голову. Девушки занимают Марину песнями.

ХОР ДЕВУШЕК

14 На Висле лазурной,
под ивой тенистой,
чудный цветочек,
снега белее,
в зеркальные воды
лениво глядится,
любую свою
роскошной красою.
Над чудным цветочком,
блистая на солнце,
рой бабочек резвых
играет, кружится;
плённный дивной
красою цветочка,
нежных листочков
не смеет коснуться,
красою цветочка
пленяясь.
И чудный цветочек,
кивая головкой,
в зеркальные воды
лениво глядится.

МАРИНА

(Рузе.)
Алмазный мой венец!

ХОР ДЕВУШЕК

А в замке весёлом
панна красотка,
цветочка речного
краше, милее,
краше цветочка,
белее, нежнее,
на славу и радость
всего Сandomира
роскошно цветёт.
Немало молодцев,
блестящих и знатных,
в невольном смущеньи
пред нею преклонялись,
улыбку красотки
блаженством считая,
у ног чародейки
весь мир забывая.

ACT THREE

Scene One

The dressing room of Marina Mnishek at the Castle of Sandomir. Marina is at her toilette. Ruza is decorating her hair. Some maidens entertain Marina with songs.

CHORUS OF GIRLS

On the azure Vistula,
beneath a shady willow,
a wondrous flower,
whiter than snow,
gazes indolently at itself
in the mirror of the water,
admiring its splendour
and its beauty.
About the wondrous flower,
sparkling in the sunshine,
a swarm of playful butterflies
darts about and circles;
captivated by the miraculous
beauty of the flower,
they do not dare to touch
its tender leaves,
being captivated by the
beauty of the flower.
And the wondrous flower,
nodding its head
in the mirror of the water
indolently gazes at itself.

MARINA

(to Ruza)
My diamond diadem!

CHORUS OF GIRLS

But in this merry castle
the fair mistress
is more beautiful and endearing
than that river flower,
more beautiful than the flower
whiter, and more tender.
to the glory and the joy
of the whole of Sandomir
she blossoms luxuriously.
Not a few fellows,
dashing and of noble birth,
have bowed down before her
in involuntary confusion,
considering the smile
of the beautiful maiden to be bliss,
and forgetting the whole world
at the feet of the enchantress.

А панна красотка
лукаво смеялась
над речью любовной,
над страстью их пылкой,
томленьям и мукам
сердец их смущённых
не внемля.

МАРИНА

15 Довольно!

(Встает.)

Красотка панна благодарна
за ласковое слово и за
сравненье с тем цветочком
чудным, что белее снега.
Но панна Мнишек не довольна:
ни речью вашей льстивой,
ни бессмысленным
намёком на каких-то
молодцев блестящих,
что целою толпою
у ног её лежали,
в блаженстве утопая...
Нет, не этих песен
нужно панне Мнишек;
не похвал красе своей
от вас ждала я...
а тех песенок чудесных,
что мне няня напевала:
о величьи, о победах,
и о славе воев польских,
о всемошных польских девах,
о побитых иноземцах...
Вот что нужно панне Мнишек,
эти песни ей отрада!
(Девушкам.)
Ступайте!

(Девушки откланиваются и уходят.)

16 Ты, Рузя, мне не нужна
сегодня, отдохни...

(Рузя уходит.)

Скучно Марине.
Ах, как скучно!
Как томительно и вяло
дни за днями длятся.
Пусто, глупо так, бесплодно;
целый сонм князей, и графов,
и панов вельможных
не разгонит скуки адской.
Лишь там, в туманной дали,
зорька ясная блеснула;

But the fair mistress
laughed slyly
at their words of love
and their ardent passion,
not heeding
the longing and the torments
of their troubled hearts.

MARINA

Enough!

(stands up)

The fair mistress is grateful
for the words of kindness and for
the comparison with that wondrous flower
that is whiter than snow.
But mistress Mnishek is not content:
either with your flattering words
or by your meaningless
references to certain
dashing fellows,
who have prostrated themselves
in such numbers at her feet,
as they sink in bliss...
No, it is not such songs
that mistress Mnishek needs;
it was not a paean to her beauty
that I expected from you...
but those wondrous songs
that my nanny used to sing to me:
about greatness, victories,
the glory of the Polish laments,
mighty Polish maidens,
and the vanquished foreigners...
that is what mistress Mniszek wants,
such songs are a joy to her!
(to the maidens)
Go now!

(The girls take their leave and go out.)

Ruzya, I do not need you today,
go and rest...

(Ruzya leaves.)

Marina is bored.
Ah, how bored!
How tediously, how sluggishly
one day follows another.
It is empty, so stupid, and fruitless;
that whole host of princes, counts
and grandees
cannot disperse my hellish boredom.
Only there, in the misty distance,
has a bright beam of light flashed;

то московский проходимец
панне Мнишек приглаголюся.
Мой Димитрий, мститель
грозный, беспощадный,
Божий суд и Божья кара
за царевича, малютку,
жертву власти ненасытной,
жертву алчности и злобы
царя-злодея Годунова.
Разбужу магнатов сонных,
блеском злата и добычи
заманю я шляхту.
А тебя, мой самозванец,
мой любовник томный,
опою тебя слезами
страсти жгучей,
задушу тебя в объятьях,
зацелую, милый
мой царевич, мой Димитрий,
мой жених названный.
Нежным лепетом любовным
слух твой очарую.
Панне Мнишек слишком скучны
страсти томной излиянья,
пылких юношей моления,
речи пошлые магнатов.
Панна Мнишек славы хочет,
панна Мнишек власти жаждет!...
На престол царей Московских
я царицей сяду,
и в порфире златотканной,
солнцем заблισταю.
А красой своей чудесной
я сражу тупых москалей,
и стада бояр кичливых
бить челом себе заставлю.
И прославят в сказках,
былях, небылицах,
гордую свою царицу
тупоумные москали!..
Ха, ха, ха, ха, ха,
ха, ха, ха, ха, ха!
(Идет к двери и останавливается у зеркала,
любясь и поправляя свой венец. Увидя в
зеркале отражение иезуита, вскрикивает.)
17 А!... Ах, это вы, мой отец!

РАНГОНИ
Дозволит ли
ничтожному рабу
Господню
красою неземною
блистающая панна
просить внимания...
(Кланяясь.)

it was mistress Mnishek
drawn towards the Moscow rogue.
My Dmitry,
awesome, merciless avenger,
the Lord's judge and the Lord's punishment
for the infant tsarevich,
the victim of insatiable power,
the victim of the greed and the malice
of the villainous Godounovs.
I shall incite the sleepy magnates
I shall lure the Polish gentry
with the sparkle of gold and booty.
And you, my pretender,
my languorous admirer,
I shall chide you with tears
of burning passion,
I shall smother you in my embraces,
I shall shower kisses on you, my dearest,
my tsarevich, my Dmitry,
my sworn husband.
I shall enchant your ear
with my tender words of love.
The outpourings of languid passion,
the entreaties of ardent youths,
and the trivial conversation of the magnates
are too boring for mistress Mnishek.
mistress Mnishek wants glory,
mistress Mnishek craves power!...
I shall sit as tsaritsa
on the throne of the tsars of Muscovy,
and I shall sparkle like the sun
in my mantle of porphyry interwoven with gold.
With my wondrous beauty
I shall crush those dullards, the Muscovites,
and make the band of arrogant boyars
bow in homage to me.
And in their tales,
in their chronicles of fact and fiction
the dull-witted Muscovites
will glorify their proud tsaritsa!
Ha, ha, ha, ha, ha,
Ha, ha, ha, ha, ha, ha!
*(She goes towards the door, stops near the mirror,
admires herself, and straightens her diadem. Seeing a
Jesuit reflected in the mirror, she shrieks.)*
Ah... Ah, it's you, my father!

RANGONI
May
a worthless servant
of the Lord
crave the attention
of a lady resplendent
in her unearthly beauty...
(bowing)

МАРИНА

Отец мой, вы не
просить должны:
Марина Мнишек
дочерью послушною
была и будет святой,
апостольской
и нераздельной Церкви.

РАНГОНИ

Церковь Божия
оставлена, забыта.
Лики светлые
святых поблекли,
веры живой источник
чистый гложет,
огнь кадильниц
благовонных меркнет,
зияют раны святых
страстотерпцев,
скорбь и стоны в
обителях горних,
льются слёзы
пастырей смиренных!

МАРИНА

Отец мой! Вы... смущаете меня.
Болью глущею
речь ваша скорбная
в слабом моём сердце отдаётся.

РАНГОНИ

Дочь моя! Марина!
Провозвести еретикам
москалям веру правую!
Обрати их на путь спасенья,
сокруши дух раскола греховный.
И прославят Марину
святую пред престолом
Творца лучезарным
ангелы Господни!

МАРИНА

(Под впечатлением, восторженно.)
И прославят Марину
святую пред престолом
Творца лучезарным
ангелы Господни!
(Одумавшись.)
У! Грех какой!
Отец мой, соблазном страшным
вы искусили душу грешную
неопытной и ветреной Марины...
Не мне, привыкшей к блеску,
в вихре света и пиров весёлых,
нет, не мне на долю пало

MARINA

My father,
you have no need to ask:
Marina Mniszek
has been, and will remain,
a dutiful daughter
of the holy, apostolic
and indivisible Church.

RANGONI

God's Church
is abandoned, forgotten.
The radiant faces
of our saints have faded,
the pure source
of the living faith is withering away,
the flame of the
sweet-smelling censers is growing dim,
the wounds of the
holy martyrs gape wide,
there is sorrow and groaning
in the celestial abodes,
and the tears of the
humble shepherds flow!

MARINA

My father! You... confound me.
Your mournful words
resound in my feeble heart
with a burning pain.

RANGONI

My daughter! Marina!
Proclaim the true faith
to the heretical Muscovites!
Guide them onto the path of salvation,
strike down the sinful spirit of dissent.
The angels of the Lord
will glorify the saintly
Marina before the radiant throne
of the Creator!

MARINA

(*moved; exaltedly*)
The angels of the Lord
will glorify the saintly
Marina before the radiant throne
of the Creator!
(*thinking better of it*)
Oo! Such a sin!
My father, with this fearful temptation
You have seduced the sinful soul
of the inexperienced and empty-headed Marina...
It is not to me, so accustomed to splendour,
in the whirl of society and merry feasts,
it is not to me that the task of glorifying

прославить Церковь Божью.
Я бессильна...

РАНГОНИ

18 Красою своею плени
самозванца!
Речью любовною,
нежною, пылкою
страсть зарони в его сердце.
Пламенным взором,
улыбкой чарующей
разум его покори.
Презри суеверный,
нелепый страх
угрызений совести жалкой,
брось предрассудок,
пустой и забавный,
девичьей стыдливости,
ложной и вздорной.
Порою гневом притворным,
капризною прихотью женской,
порою тонкою лестью
иль ловким обманом
искуси его, оболести его.
И, когда истомлённый,
у ног твоих дивных,
в восторге безмолвном,
ждать будет велений,
клятву потребуй
святой пропаганды!

МАРИНА

Того ли мне нужно?

РАНГОНИ

Как? И ты дерзашь
противиться Церкви!
Если за благо признано будет,
должна ты пожертвовать тотчас,
без страха, без сожаленья...
честью своею.

МАРИНА

Что? дерзкий лжец!
Клянуп твои речи лукавые,
сердце твоё развращённое,
клянуп тебя всей силой презрения.

РАНГОНИ

(Отступая к двери.)
Марина!

МАРИНА

Прочь с глаз моих!

the Church of God has fallen.
I am powerless...

RANGONI

Captivate the Pretender
with your beauty!
Arouse passion in his heart
with tender and ardent
words of love.
subdue his reason
with your burning glances
and with your entrancing smile.
Despise the superstitious
and absurd fear
of pitiful remorse,
throw aside
the empty and amusing prejudice
of maidenly bashfulness,
that is so false and stupid.
Now with feigned anger,
and capricious female whims,
now with subtle flattery
or cunning wiles
seduce him and captivate him.
And when, exhausted
at your wondrous feet
in wordless ecstasy
he awaits your command,
demand his oath
to promote the faith!

MARINA

Is this what I need?

RANGONI

What? Do you dare
to oppose the Church!
If it is acknowledged to be for the good
you must immediately sacrifice
your honour
without fear or regret.

MARINA

What? Bold liar!
I curse your cunning words
and your corrupted heart,
I curse you with all the force of contempt.

RANGONI

(stepping back towards the door)
Marina!

MARINA

Get out of my sight!

РАНГОНИ

(Постепенно наступая.)

19 Пламенем адским
глаза твои засверкали,
уста исказились,
щёки поблекли;
от дуновенья нечистого
исчезла краса твоя.
Духи тьмы тобой овладели,
гордыней бесовской
твой ум омрачили.

МАРИНА

(Под влиянием суеверного страха.)

О, Боже, защити меня!

Боже, научи меня!

РАНГОНИ

В грозном величьи,
на крыльях адских,
сам Сатана парит
над тобою!

МАРИНА

(Вскрикивает и падает к ногам Рангони.)

А!..

РАНГОНИ

(Как над добычею.)

Смирись пред Божиим послем!

Предайся мне, всей душою,

всем помыслом,

желаньем и мечтою;

моею будь рабой!

Вторая картина

Замок Мнишка в Сандомире. Сад. Фонтан.

Лунная ночь.

САМОЗВАНЕЦ

(Входит, мечтая.)

20 В полночь... в саду...

у фонтана...

О, голос дивный!

Какой отрадой

ты мне наполнил сердце!..

(Подходит к фонтану.)

Придѣшь ли ты, желанная,

придѣшь ли, голубка

моя легкокрылая?

Аль не вспомняешь ты

буйного сокола, что

по тебе грустит, надрывается.

Приветом ласковым,

RANGONI

(gradually more and more on the offensive)

Your eyes have started to sparkle
with a hellish flame,
your lips have become distorted,
your cheeks have grown pale;
the devil has breathed on you
and your beauty has vanished,
the spirits of darkness have possessed you,
with their devil's arrogance
and they have clouded your mind.

MARINA

(afflicted by superstitious fear)

O God, protect me!

O God, instruct me!

RANGONI

In his fearsome grandeur

Satan himself hovers

over you

on his diabolical wings!

MARINA

(cries out and falls at Rangoni's feet)

Ah!...

RANGONI

(as if standing on his prey)

Humble yourself before God's envoy!

Entrust yourself to me with all your soul

with all your thoughts

desires and dreams;

be my slave!

Scene Two

*The Mnishek castle in Sandomir. The garden.**A fountain. A moonlit night.*

THE PRETENDER

(emerges with a dreamy expression)

At midnight... in the garden...

near the fountain...

O, wondrous voice!

With what joy

you have filled my heart!...

(comes up to the fountain)

Will you come, my beloved,

will you come,

my light-winged dove?

Or have you forgotten

the reckless falcon

who pines for you and rends his soul.

With your affectionate greeting

речью нежною
ты утоли муку сердца
безысходную.
(Обратясь к замку.)
Марина!..
Откликнись, о, откликнись!..
Приди... приди, я жду тебя!..
Нет!... нет ответа!..
(Задумывается.)

(Из-за угла замка, оглядываясь, крадется иезуит.)

РАНГОНИ
Царевич!
САМОЗВАНЕЦ
Опять за мной!
Как тень, преследуешь меня.

РАНГОНИ
Светлейший,
доблестный царевич!
Я послан к вам гордою
красавицей Мариной!..

САМОЗВАНЕЦ
Мариной!

РАНГОНИ
Послушной, нежной дочерью,
мне небом вручённой.
Она умоляла сказать вам,
что много насмешек злобных
пришлось перенести ей,
что вас она любит,
что будет к вам!..

САМОЗВАНЕЦ
О, если ты не лжёшь,
если не сам Сатана
шепчет те речи чудесные...
Вознесу её, голубку,
пред всюю русской землёй,
возведу её с собою
на царский престол,
ослеплю её красою
православный люд!
(Всматривается в иезуита.)
Злой демон!
Ты, как тать ночной,
закрался мне в душу,
ты вырвал из груди моей
признание...
Ты о любви Марины лгал?

and your tender words
soothe the perpetual torment
of my heart.
(turning towards the castle)
Marina!..
Respond to me, o respond to me,
come... come, I am waiting for you!..
No!... There is no reply...
(grows pensive)

(The Jesuit, looking about, steals up from behind the corner of the castle.)

RANGONI
Tsarevich!
THE PRETENDER
Again you are there!
You follow me like a shadow.

RANGONI
Highness,
valiant tsarevich!
I have been sent to you
by the haughty beauty, Marina!..

THE PRETENDER
By Marina!

RANGONI
By that dutiful and tender daughter
entrusted to me by heaven.
She has entreated me to tell you
that she has had to endure
much wicked mockery,
that she loves you,
and that she will come to see you!..

THE PRETENDER
O, if you are not lying,
if it is not Satan himself
who is whispering these wondrous words...
I shall raise her up, my dove,
before the entire Russian land,
I shall elevate her with me
to the royal throne,
I shall dazzle the Orthodox faithful
with her beauty!
(scrutinising the Jesuit)
Wicked demon!
Like a robber in the night,
you have insinuated yourself into my soul,
you have torn the confession
from my breast...
were you were lying about the love of Marina?

РАНГОНИ

Лгал?.. Я лгал?..

И перед тобой, царевич?

Да по тебе одному и день, и ночь
она томится и страдает,
о судьбе твоей завидной
в ночной тиши мечтает.
О, если б ты любил её,
если б знал её терзания,
гордых панов насмешки,
зависть их жён лицемерных,
пошлые сплетни,
бредни пустые
о тайных свиданьях,
о поцелуях,
рой оскорблений
невыносимых,
о, ты не отверг бы тогда
мольбы моей скромной,
моих уверений,
ложью не назвал бы
муку бедной Марины.

САМОЗВАНЕЦ

Довольно!

Слишком много упрёков,
слишком долго скрывал я
от людей свое счастье.
Я за Марину грудью стану,
я допрошу панов надменных,
коварство жён их
бесстыдных разрушу.
Я осмею их жалкую злобу,
пред всею толпою
бездушных паненок
откроюсь в любви безграничной
Марине,
я брошусь к ногам её,
умоляя не отвергать
пылкой страсти моей,
быть мне женою,
царицею, другом...

РАНГОНИ

(В сторону.)

Вспомошествоуй,
святой Игнатий!

САМОЗВАНЕЦ

(Иезуиту.)

Ты, отрекшийся от мира,
проклятью предавший
все радости жизни,
мастер великий
в любовном искусстве,

RANGONI

Lie?... Did I lie?...

And to you, tsarevich?

For you alone she languishes
and suffers day and night.
In the silence of the night she dreams
about your enviable fate.
Oh, if you loved her,
if you knew her torments,
the mockery of the haughty lords
and the envy of their hypocritical wives,
the common gossip,
the empty ravings
about secret trysts
and kisses,
a whole mass
of intolerable insults,
then you would not reject
my humble entreaty
and my assurances,
you would not call
poor Marina's sufferings a falsehood.

THE PRETENDER

Enough!

Too many reproaches,
too long I have hidden
my happiness from people.
I shall defend Marina,
I shall question the haughty lords
and I shall put an end
to the wiles of their shameless wives.
I shall ridicule their pitiful malice,
before the entire crowd
of these soulless little ladies,
I shall declare my unbounded love
for Marina,
I shall throw myself at her feet,
imploring her not to reject
my ardent passion,
to become my wife,
Tsaritsa, beloved...

RANGONI

(aside)

Lend thy assistance,
Holy Ignatius!

THE PRETENDER

(to the Jesuit)

You, who have renounced this world,
foreswearing
all the joys of life,
great master
in the art of love,

заклинаю тебя
 всей силой клятвы твоей,
 всей силой жажды
 блаженства небесного!
 Веди меня к ней,
 о, дай увидеть её,
 дай сказать о любви моей,
 о страданиях моих,
 и нет той цены,
 что смутила б меня!

РАНГОНИ

22 Смиранный, грешный
 богомолец за ближних своих,
 о страшном дне последнего суда,
 о грозной каре Господней,
 грядущей в тот день,
 всечасно помышляющий.
 Труп, давно отживший,
 хладный камень может ли
 желать сокровищ жизни?
 Но если Димитрий,
 внушеньем Божьим,
 не отвергнет желаний
 смиренных,
 не покидать его как сына,
 следовать за каждым
 шагом его и мыслью,
 беречь и охранять его...

САМОЗВАНЕЦ

Да, я не расстанусь с тобой,
 полько дай мне увидеть
 Марину мою, обнять её...

РАНГОНИ

23 Царевич, скройся!

САМОЗВАНЕЦ

Что с тобой?

РАНГОНИ

Тебя застанет здесь толпа
 пирующих магнатов.
 Уйди, царевич, умоляю,
 уйди!

САМОЗВАНЕЦ

Пусть идут, я встречу их с почётом.
 По сану, доблести и чести...

РАНГОНИ

Опомнись, царевич,
 ты погубишь себя,
 ты выдашь Марину,
 уйди скорее!

I adjure you
 with all the power of your oath
 and with all the strength of your desire
 for heavenly bliss!
 Lead me to her,
 o, let me see her,
 let me tell her of my love,
 of my sufferings.
 There is no price
 that could deter me!

RANGONI

A humble, sinful
 pilgrim who prays for his neighbour,
 and who thinks each hour
 about the terrible day of the last judgement
 and the terrible punishment of the Lord,
 which comes crashing down on that day.
 A cadaver, that is long since moribund,
 a cold stone, could it
 wish for the treasures of life?
 But if Dmitry,
 inspired by God,
 does not reject the desires
 of the humble servants
 not to forsake him as a son
 and to watch over his every
 step and thought,
 to keep and protect him...

THE PRETENDER

Yes, I'll not be parted from you,
 only let me see
 my Marina, and embrace her...

RANGONI

Tsarevich, conceal yourself!

THE PRETENDER

What is the matter with you?

RANGONI

The throng of revelling magnates
 will discover you here.
 Be gone, tsarevich, I implore you,
 be gone!

THE PRETENDER

Let them come, I shall greet them with respect
 according to their rank, their valour and honour...

RANGONI

Come to your senses, tsarevich,
 you will be your own undoing,
 and betray Marina.
 Better you should go!

(Уводит самозванца за сцену.)

(He leads the pretender off stage.)

(Из замка выходит толпа гостей.)

(A throng of guests emerges from the castle.)

МАРИНА

(Под руку со старым паном.)

Вашей страсти
я не верю, пане,
ваши клятвы, уверенья,
всё напрасно!

MARINA

(An old lord leads her by the arm.)

I do not believe in your infatuation,
my lord,
or in your oaths and your assurances.
It is all in vain!

(Уходят в сад.)

(They go off into the garden.)

И не можете вы, пане...

and can you not, my lords...

ХОР

И Московско царство
мы полоним живо!
И москалей пленных
приведём к вам, панни!
А войска Бориса
разобьём наверно!
Ну, так что же, пане,
что медлить, паны...
На Москву скорей идите
и Бориса в плен берите.
Для Речи Посполитой
надо разорить
гнездо москалей!
Марина не сумеет...
Красива, но суха,
надменна, зла.

CHORUS

We shall quickly take
the kingdom of Muscovy!
and the captured Muscovites
shall be brought to you, ladies!
We will smash the
army of Boris for sure!
So, what is it, gentlemen,
why delay, gentlemen...
march quickly against Moscow
and take Boris captive.
For the cause of the entire nation
we must destroy
the nest of Muscovites!
Marina will not be able to do it.
She is beautiful, but dry,
haughty, and wicked.

МАРИНА

(Входя в замок.)

Вина, вина, панове!

MARINA

(entering the castle)

Some wine, some wine, my lords!

ХОР

Да здравствует Марина!
(Следуя за Мариной в замок.)
Пьем бокал во здравье Мнишков!
Венгерским чествовать Марину!
Во славу царского венца Марины!
Виват! Виват! Виват!

CHORUS

Long live Marina!
(following Marina into the castle)
Let us drain a cup to the health of the Mnisheks!
Let us toast Marina in Tokay wine!
To the glory of Marina's royal diadem!
Vivat! Vivat! Vivat!

САМОЗВАНЕЦ

(Вбегает.)

24 Иезуит лукавый,
крепко сжал меня
в когтях своих проклятых.
Я только мельком,
издали успел взглянуть
на дивную Марину.
Укравкой встретить
блеск чарующий

THE PRETENDER

(runs in)

That crafty Jesuit
gripped me firmly in his
accursed clutches.
Only in the distance
did I manage to get a glimpse
of the wonderful Marina,
and secretly to meet
the enchanting brilliance

очей её чудесных.

А сердце билось сильно,
так сильно билось, что,
не раз, толкало с боя
взять свободу, подраться
с покровителем незванным,
отцом моим духовным!..
Под болтовню несносную его
речей, до наглости лукавых,
я видел, под руку с паном беззубым,
надменную красавицу Марину;
пленительной улыбкою сияя,
прелестница шептала:
о ласке нежной, о страсти тихой,
о счастье быть супругой...

25 Супругой беззубого кутили!

Когда судьба сулит ей
любви блаженство и славу,
венец златой,
и царскую порфиру!..
Нет, к чёрту всё!
Скорее в бранные доспехи!
Шелом и меч булатный,
и на коней!
Вперед! На смертный бой!
Мчаться в главе
дружины хороброй,
встретить лицом к лицу
вражьи полки,
с боя, со славой, взять
наследный престол!

МАРИНА

(Входит.)

Димитрий! Царевич!
Димитрий!

САМОЗВАНЕЦ

26 Она! Марина!

Здесь, моя голубка,
красавица моя!
Как томительно,
как долго длились
минуты ожидания,
сколько мучительных
сомнений, сердце терзая,
светлые думы мои омрачили,
любовь мою и счастье
проклинать заставляли...

МАРИНА

Знаю, всё знаю!
Ночей не спишь,
мечтаешь ты и день и ночь,
мечтаешь о своей Марине!

of her wondrous eyes.

My heart was beating violently,
so violently that
more than once its beating
drove me to break free, and have a fight
with my uninvited protector,
my spiritual father!..
To the accompaniment of his intolerable chatter,
that was crafty to the point of impudence,
I saw the haughty beauty, Marina,
on the arm of a toothless lord;
radiating with a captivating smile,
the enchantress was whispering:
about tender caresses, calm passion,
and the joy of being his wife...
the wife of that toothless debauchee!
When fate promises her
the bliss of love and glory,
a crown of gold
and the royal mantle of porphyry!..
No, the devil take her!
Better to don my battle armour,
helmet and the sword of damask steel
and take to the saddle!
Forward! To mortal combat!
To fly at the head
of a valiant army,
to meet the regiments of the enemy
face to face,
and from the battle with glory
to take my hereditary throne!

MARINA

(entering)

Dmitry! Tsarevich!
Dmitry!

THE PRETENDER

It is she! Marina!
Here, my dove,
my beautiful angel!
How agonisingly,
how long did the moments
of my waiting last,
how many tormenting doubts
did cloud my radiant thoughts,
as I rent my heart,
forcing me to curse
my love and happiness...

MARINA

I know, I know it all!
You cannot sleep at night,
you dream both day and night,
you dream about your Marina!

27 Не для бесед любовных,
не для речей пустых
и вздорных
я пришла к тебе.
Наедине с собою ты можешь
млеть и таять от любви ко мне.

САМОЗВАНЕЦ
Марина?

МАРИНА
Меня не удивят, ты должен знать,
ни жертвы, ни даже смерть
твоя из-за любви ко мне.
Когда ж царём ты будешь на Москве?

САМОЗВАНЕЦ
Царём? Марина, ты пугаешь сердце!
Ужели власть, сияние престола,
холопов подлых рой,
их гнусные доносы
в тебе могли бы заглушить
святую жажду любви взаимной,
отраду ласки сердечной,
объятий жарких и страстных
восторгов чарующую силу!

МАРИНА
Конечно!
Мы и в хижине убогой
будем счастливы с тобой;
что нам слава,
что нам царство?
Мы любовью
будем жить одной!
Если вы, царевич,
одной любви хотите,
в Московии у вас
найдется немало женщин
дебелых, румяных, бровь соболияная...

САМОЗВАНЕЦ
Что наши женщины!
В пуховиках валяться,
млеть и таять любо им!
Шепни хоть слово о любви,
раскиснут так, что тошно станет!

28 Тебя, тебя одну, Марина,
я обожаю всей силой страсти,
всей жаждой неги
и блаженства.
Сжался над скорбью
истерзанной души моей...
Не отвергай меня!

But it is not for amorous conversations,
not for empty,
nonsensical words
that I have come to see you.
when you are alone
you can swoon and melt out of love for me.

THE PRETENDER
Marina?

MARINA
You must understand that no sacrifice,
not even your death out of love for me,
will be able to cause me any wonder.
Now when will you be tsar in Moscow?

THE PRETENDER
Tsar? Marina, you alarm my heart!
Can it be that power, the radiance of the throne,
the throng of base servants
and their vile denunciations
could stifle within you
the sacred thirst for reciprocated love,
the joy of heartfelt caresses,
the enchanting power of ardent embraces
and of passionate transports of joy!

MARINA
Of course!
Even in a wretched hovel
we would be happy together:
What is glory,
what is a kingdom to us?
We shall live
by love alone!
If love is all you want,
tsarevich,
in Muscovy you have not a few
buxom, rosy-cheeked girls
with brows of sable...

THE PRETENDER
What are our women!
They like to wallow in feather beds
swooning and melting!
Whisper but one word of love
and they grow so limp that you feel sick!
You, you alone, Marina
I worship with all the force of passion,
all the thirst for
contentment and bliss.
Take pity on the sorrow
of my tormented soul...
Do not reject me!

МАРИНА

Так не Марину, вы только
женщину во мне любили?
Лишь престол царей Московских,
лишь порфира и венец золотой
искусить... меня... могли бы.

САМОЗВАНЕЦ

Ты ранишь сердце мне,
жестокая Марина;
от слов твоих могильный
хлад на душу веет.
Видишь; я у ног твоих,
у ног твоих молю тебя:
не отвергай
любви моей безумной!

МАРИНА

(Отталкивает самозванца ногою.)
Встань, любовник нежный.
Не томи себя мольбой напрасной.
Встань, страдалец томный!
Мне жаль тебя, мой милый,
изнемог ты, истомился,
от любви к своей Марине,
день и ночь о ней мечтаешь,
забыл и думать о престоле,
о борьбе с царём Борисом...
Прочь, бродяга дерзкий!

САМОЗВАНЕЦ

Марина, что с тобой?

МАРИНА

Прочь, приспешник панский!

САМОЗВАНЕЦ

Что с тобой?

МАРИНА

Холоп!

САМОЗВАНЕЦ

Стой, Марина!
Мне чудилось, ты
бросила укором тягостным
моей минувшей жизни...
Лжёшь, гордая полячка!
Царевич я!

29 Со всех концов Руси
вожди стеклися.
Завтра в бой летим в главе
дружин хоробрых,
славным витязем прямо
в Кремль Московский,
на отчий престол,

МАРИНА

No, not Marina, is it only
the woman in me you love?
Only the throne of the tsars of Muscovy,
only the mantle of porphyry and the golden crown
could... tempt...me.

THE PRETENDER

You are wounding my heart,
cruel Marina;
your words waft the coldness
of the tomb into my soul.
You see; I am at your feet,
and at your feet I implore you:
do not reject
my frenzied love!

МАРИНА

(pushes the Pretender away with her foot)
Rise, tender lover.
Do not torment yourself with vain entreaties.
Rise, love-sick youth!
I am sorry for you, my dearest,
you are faint, exhausted
by the love you feel for your Marina,
you dream of her day and night,
you have ceased thinking about the throne,
about the struggle with Tsar Boris...
Away with you, insolent vagrant!

THE PRETENDER

Marina, what is wrong with you?

МАРИНА

Away, lordly myrmidon!

THE PRETENDER

What is wrong with you?

МАРИНА

Slave!

THE PRETENDER

Stay, Marina!
It seemed to me that
you were reproaching me sorely
for my past life...
You lie, proud Pole!
I am the tsarevich!
Leaders from all corners
of Russia have thronged together.
On the morrow we fly into battle
leading our valiant armies,
like a glorious knight
straight to the Moscow Kremlin,
to our ancestral throne

завещанный судьбой!
 Но, когда царём я сяду,
 в величьи неприступном,
 о, с каким восторгом
 я насмеюсь над тобой,
 о, как охотно я
 посмотрю на тебя,
 как ты, потерянным
 царством терзаясь,
 рабою послушною будешь
 ползти к подножию
 престола моего...
 Всем тогда смеяться я велю
 над дурою шляхтянкой!

МАРИНА

30 Смеяться!... О, царевич,
 умоляю, не кляни меня
 за речи злые мои.
 Не укором, не насмешкой,
 но чистой любовью,
 жадой славы твоей,
 жадой величья
 звучат они в тиши ночной,
 мой милый, коханный мой.
 Не изменит тебе твоя Марина!
 Забудь, о, забудь о ней,
 забудь о любви своей,
 скорее на царский престол!

САМОЗВАНЕЦ

Марина! Адскую муку
 души моей не растравляй
 любовью притворной!

МАРИНА

Люблю тебя, мой коханный,
 мой повелитель!

САМОЗВАНЕЦ

О, повтори, повтори, Марина!
 О, не дай остыть наслажденью,
 дай душе отраду, моя чаровница,
 (Опускается на колени.)
 жизнь моя!

МАРИНА

Царь мой!

САМОЗВАНЕЦ

Встань, царица моя
 ненаглядная!

МАРИНА

О, как сердце моё оживил

bequeathed to us by destiny!
 But when I take my place as tsar
 in my inaccessible grandeur,
 o, with what delight
 I shall laugh at you,
 o, how eagerly
 I shall look on you
 as you, tormented by the
 kingdom you have lost,
 crawl, an obedient slave,
 towards the foot
 of my throne...
 then I shall command everyone
 to laugh at the stupid Polish noblewoman!

MARINA

Laugh!... O, tsarevich,
 I beg you, do not curse me
 for my wicked words.
 Not with a reproach, not with mockery
 but with pure love,
 with the thirst for your glory,
 the thirst for greatness
 do they resound in the silence of the night,
 my dearest, my darling.
 Your Marina will not betray you!
 Forget, o forget about her,
 forget about your love,
 go swiftly to the royal throne!

THE PRETENDER

Marina! Do not aggravate
 the hellish wound of my soul
 with feigned love!

MARINA

I love you, my darling,
 my sovereign!

THE PRETENDER

O, say it again, say it again, Marina!
 O, do not let the pleasure grow cold,
 give my soul joy, my enchantress,
 (falls on his knees)
 you are my life!

MARINA

My tsar!

THE PRETENDER

Rise, tsaritsa,
 my precious!

MARINA

O, how you have revived my heart,

ты, повелитель мой!

САМОЗВАНЕЦ

Встань, обними желанного!
(Целует Марину.)

РАНГОНИ

(Издали.)

У!

О, голубки мои!

О, как вы просты, как нежны!

С томным взором, в жарких объятьях.

Добыча верная моя!

САМОЗВАНЕЦ

Моя Марина! Скоро ль
блаженства миг настанет,
скоро ль счастья
желанный день придет!

МАРИНА

О, мой Димитрий!

Войско давно ждёт тебя,

спеши в Москву,

на царский престол!

my sovereign!

THE PRETENDER

Rise, embrace your beloved!
(*He kisses Marina.*)

RANGONI

(*in the distance*)

Ha!

My little lovebirds!

How simple you are, how tender!

With your languid looks, in those ardent embraces.

The prey is in my sure grasp!

THE PRETENDER

My Marina!

Will the moment of bliss come soon,
will the much desired day
of happiness come soon!

MARINA

O, my Dmitry!

Your army has been waiting long.

Hasten to Moscow

and to your royal throne!

CD 3

CD 3

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

ACT FOUR

Первая картина

Scene One

Грановитая палата в Московском кремле. По бокам скамьи. Направо выход на Красное крыльцо, налево в терема. Справа, ближе к рампе, стол, с письменными принадлежностями. Левее царское место. Чрезвычайное заседание Боярской Думы.

The faceted chamber in the Moscow Kremlin. Benches along the sides. To the right is the exit to the Red Staircase, to the left the entrance to the royal apartments. On the right, nearer to the footlights, is a table with writing accessories. A little to the left is the tsar's place. An extraordinary session of the Boyars' Council is taking place.

(Слева из теремов выходит Шелкалов с грамотою в руке и кланяется боярам, отдающим поклон.)

(Shchelkalov emerges from the royal apartments carrying an official document. He bows to the boyars, who return his greeting.)

ШЕЛКАЛОВ

SHEKELKALOV

- 1 Сановитые бояре!
Великий государь,
царь Борис Феодорович,
с благословения великого
святейшего отца и
патриарха всея Руси,
велел вам объявить:
(Читает.)
“Разбойник, вор, бродяга
безывестный, злодей и
бунтовщик, восставший
мятежом с толпой
наемников голодных и
именем царевича
назвавшись, себя царем
исконным величая,
супутствуем боярами
опальными и всякой
сволочью литовской,
задумал сокрушить
трон Борисов и вас,
бояр, к тому ж
надменно приглашает,
(Свергывает грамоту.)
о чём злодейские
указы разослал.”
Того ради, благословясь,
над ним правдивый
суд ваш сотворите.

Boyars of noble rank!
Our great sovereign
Tsar Boris Feodorovich,
With the blessing of our great
and most holy father
and Patriarch of all Russia,
has commanded that you be informed:
(reads)

“The brigand, thief and
nameless vagrant, the miscreant and
insurgent, who has incited
revolt with a band of
starving mercenaries,
calling himself tsarevich,
and ennobling himself with the
age-old title of tsar,
being accompanied by disgraced
boyars and all manner of
Lithuanian scum,
Has conceived the idea
of bringing down
the throne of Boris; and moreover,
he haughtily invites you boyars
(unrolling the official document)
and has circulated
villainous decrees to this effect.”
On this account, and receiving a blessing,
pass your truthful
judgement on him.

БОЯРЕ

BOYARS

(Слева.)

(from the left)

- 2 Что ж?

What?

Пойдём на голоса, бояре.

Let us vote, boyars

(Слева.)

Вам первым начинать, бояре.

(Слева.)

Да наше мнение давно готово.

(Щелкалову.)

Пиши, Андрей Михайлыч...

Злодея, кто б ни был он,

сказнить...

(Справа.)

Стой, бояре!

Вы прежде излови,

а там сказни, пожалуй.

(Слева.)

Ладно.

(Справа.)

Ну, не совсем-то ладно.

(Слева.)

Да ну, бояре, не сбивайте!

Злодея, кто б ни был он,

имать и пытать на дыбе крепко.

А там сказнить и труп его

повесить; пусть клюют

враны голодные!

(Справа.)

Труп его предать сожжению

на лобном месте всенародно

и трижды проклясть

тот прах поганый.

И развеять прах проклятый

за заставами по ветру.

(Справа и слева.)

Чтоб и след простыл на веки

по бродяги-самозванца.

И каждого, кто с ним

единомыслит, сказнить.

(Справа.)

И труп к позорному

столбу прибить.

(Другие.)

О чём указы разослать

повсеместно.

(Все вместе.)

По сёлам, городам и по

посадам, по всей Руси,

читать в соборах и церквах,

на площадях и сходах.

И Господа молить,

коленипреклоненно,

да сжалится над Русью,

многострадальной.

(В сторону.)

3 Жаль, Шуйского нет князя;

(Входит Шуйский, медленно и всматриваясь в толпу бояр.)

(from the left)

You start first, boyars.

(from the left.)

We made up our minds long ago.

(to Shchelkalov)

Put it down on paper, Andrey Mikhaylych.

Whoever the villain is

he should be executed...

(from the right.)

Wait, boyars!

Catch him first,

and then you can execute him, perhaps.

(from the left)

All right.

(from the right)

Well, not quite all right.

(from the left)

Now then, boyars, don't get distracted!

Whoever the villain is

he should be caught and tortured cruelly on the rack.

Execute him on the rack and string up

his corpse; let the starving ravens

peck at him!

(from the right)

Let his corpse be burned

at the place of public executions

and let his foul ashes

be thrice accursed.

And let his accursed remains be scattered

to the wind beyond the city gates.

(from the right and left)

May all trace vanish forever

of the vagrant-pretender.

And let anyone who shares his views

be executed too.

(from the right)

And let their corpses be nailed

to the pillory.

(others)

Let decrees be circulated everywhere

to this effect.

(all together)

Throughout the villages, towns

and suburbs, throughout all Russia

let them be read out in the cathedrals and churches,

on squares and at gatherings.

And let us pray to the Lord

on bended knee

to take pity on

long-suffering Russia.

(aside)

It's a pity that Prince Shuisky isn't here;

(Shuisky comes in slowly, taking a close look at the assembled boyars.)

хоть и крамольник,
а без него, кажись,
неладно вышло мнеенье.

ШУЙСКИЙ
Простите мне, бояре.

БОЯРЕ
(В сторону.)
Эк, лёгок на помине!

ШУЙСКИЙ
Позапоздал маленько,
не вовремя пожаловать
изволил...
Дела, заботы тяжкие,
легко ли, право!

БОЯРЕ
Стыдился бы, Василь Иваныч,
в твои лета крамолюю
постыдной заниматься!
Народ на площадях мутить.
Что жив царевич заверять...

ШУЙСКИЙ
(Испуганно.)
Ой! Что вы, бояре!
Побойтесь Бога!
Могу ли я во дни
великой скорби, в себе
нося кручину
Руси целой,
могу ли я крамолам
предаваться?
Всё наговоры злые, всё недруги.
(В сторону.)
И за что не любят!
(Подходя к боярам.)
Вот и теперь, любя вас
всей душой, бояре,
хочу предупредить.
Намедни, уходя от государя,
скорбя всем сердцем,
радея о душе царёвой,
я в щёлочку... случайно...
заглянул.
(Торопливо.)
О, что увидел я, бояре!
Бледный, холодным
потом обливаясь,
дрожа всем телом,
несвязно бормоча
какие-то слова чудные,
гневно очами сверкая,

Even if he is a schemer,
there would be no consensus of opinion
without him, it seems.

SHUISKY
Forgive me, boyars.

BOYARS
(*aside*)
Ha, talk of the devil!

SHUISKY
I am a little late,
I could not attend
on time...
Affairs and weighty cares,
it isn't easy, to be sure!

BOYARS
You should be ashamed, Vasil Ivanych,
to engage in shameful sedition
at your age!
Stirring up the people on the squares
and assuring them the tsarevich is alive...

SHUISKY
(*startled*)
Ha! What's the matter with you, boyars!
Have you no fear of God!
Could I, in these days
of endless grieving, when I bear
within me the sorrows of all Russia,
could I give myself over
to sedition?
It is all wicked slander,
The work of my enemies.
(*aside*)
And why shouldn't they love me for it!
(*coming up to the boyars*)
And now, because I love you
with all my soul, boyars,
I want to warn you,
just recently, as I left his Majesty,
grieving with all my heart,
and feeling such concern for his spirit,
I... took a peep... quite by chance...
Through a chink.
(*hastily*)
O, what did I see, boyars!
Pale and bathed
in a cold sweat,
trembling from head to foot,
and muttering incoherently
wondrous words,
with eyes flashing from anger,

какой-то мукой тайной
терзаясь, страдалец
государь томился.
Вдруг посинел,
глаза уставил в угол,
и страшно стена и чураясь...

БОЯРЕ
Лжѣшь! Лжѣшь, князь!

ШУЙСКИЙ
К царевичу погибшему вызывая...

БОЯРЕ
Что?

ШУЙСКИЙ
Призрак его бессильно отгоняя,
чур... чур, шептал.

(Входит Борис, чураясь и отгоняя призрак.)

БОРИС
4 Чур, чур!

ШУЙСКИЙ
Чур, дитя!

БОРИС
Чур, чур!

ШЕЛКАЛОВ
(Завидя Бориса.)
Тише! Царь... царь...

БОЯРЕ
(Увидев Бориса, отступают.)
Господи!

БОРИС
Чур, дитя!

БОЯРЕ
О, Господи!
С нами крестная сила!

БОРИС
Чур, чур!
Кто говорит: убийца?
Убийцы нет!
Жив, жив малютка.
А Шуйского,
за лживую присягу,
четвертовать!

and suffering from
some secret torment, our stricken
sovereign was languishing.
Suddenly he turned blue,
his eye fixed upon a corner,
and he groaned terribly as he warded something off...

BOYARS
You are telling lies! Lies, prince!

SHUISKY
He was calling out to the dead tsarevich...

BOYARS
What?

SHUISKY
As he was trying powerlessly to drive away the spectre,
he whispered: "get away... get away."

(Enter Boris, warding off the spectre.)

BORIS
Get away, get away!

SHUISKY
"Get away, child!"

BORIS
Get away, get away!

SHCHELKALOV
(seeing Boris)
Silence! The tsar... the tsar...

BOYARS
(Seeing Boris, they step back.)
O heavens!

BORIS
Get away, child!

BOYARS
O heavens!
The power of the cross be with us!

BORIS
Get away, get away!
Who said 'murderer'?
There is no murderer!
The infant is alive, alive,
And Shuisky
Should be quartered
For his mendacious oath!

ШУЙСКИЙ
Благодать Господня над тобой!

БОРИС
А?
(Приходя в себя, болезненно.)
Я созвал вас, бояре.
(Идет к царскому месту.)
На вашу мудрость полагаюсь;
(Садится.)
в годину бед и
тяжких испытаний
вы мне помощники, бояре.

ШУЙСКИЙ
Великий государь!
Дозволь мне, неразумному,
смиренному рабу,
слово молвить...
Здесь, у Красного крыльца,
старец смиренный ждёт
соизволения предстать
пред очи твои светлые.
Муж правды и совета,
муж жизни безупречной,
великую он тайну поведать хочет.

БОРИС
Быть так. Зови его!

(Шуйский уходит.)

Беседа старца, быть может,
успокоит тревогу тайную
измученной души!..

(Шуйский показывается; за ним Пимен. Пимен
входит и останавливается в дверях, пристально
смотря на Бориса, потом подходит к нему.)

ПИМЕН
5 миренный инок,
в делах мирских
немудрый судия,
дерзает днесь
подать свой голос.

БОРИС
(Тревожно.)
Рассказывай, старик,
всё, что знаешь... без утайки.

ПИМЕН
Рассказ мой будет
прост и краток,
бесхитростная повесть

SHUISKY
May the grace of God be with you!

BORIS
Ah?
(coming to his senses; painfully)
I have summoned you, boyars.
(He goes over to the royal seat.)
And I am relying on your wisdom;
(sits)
In times of trouble
and grave trials
you are my counsellors, boyars.

SHUISKY
Mighty sovereign!
Permit me, a foolish
humble servant,
to say a word...
Here, near the Red Staircase,
a meek and venerable monk awaits
leave to come
into your radiant presence.
He is a man of truth and good counsel,
a man with an irreproachable life
and he wants to disclose a great secret.

BORIS
So be it. Summon him!

(Shuisky goes out.)

The words of the venerable monk, perhaps,
will calm the secret anxiety
in my tormented soul!...

(Shuisky appears followed by Pimen. Pimen enters and
stops in the doorway, looking intently at Boris, and then
comes up to him.)

PI MEN
A humble monk,
a judge not versed
in worldly affairs,
dares this day
to give utterance.

BORIS
(anxiously)
Tell us, old man,
all that you know... without concealment.

PI MEN
My narrative will be
simple and concise,
a guileless tale

о дивном промысле
 Господнем!..
 Однажды, в вечерний час,
 пришел ко мне пастух,
 уже маститый старец,
 и тайну мне
 чудесную поведал:
 “Ещё ребенком,
 — сказал он, —
 я ослеп и с той поры
 не знал ни дня, ни ночи,
 до старости.
 Напрасно я лечился
 и зелием, и тайным
 нашептанием,
 напрасно я из
 кладязей святых кропил
 водой целебной очи...
 Напрасно!
 И так я к тьме своей
 привык, что даже
 сны мои мне виденных
 вещей уж не являли,
 а снились только звуки.

6 Раз, в глубоком сне,
 вдруг слышу...
 Детский голос зовет меня,

(Борис вздрагивает, тревожно вслушивается и
 приходит в волнение.)

так внятно зовет:
 `Встань, дедушка, встань!
 Иди ты в Углич-град,

(Борис приподнимается и оттирает лицо
 платком.)

зайди в собор Преображенья,
 там помолись ты
 над моей могилкой;
 знай, дедушка:
 Димитрий я, царевич;
 Господь приял меня
 в лик ангелов своих,
 и я теперь Руси
 великий чудотворец...`

(Борис опускается в кресло.)

Проснулся я... подумал...
 взял с собою внука
 и в дальний путь поплёлся.
 И только что склонился
 над могилкой,

about God's
 miraculous Providence!...
 Once, during the evening,
 a shepherd came to see me,
 he was already a venerable old man,
 and he told me
 a wondrous secret:
 “When still a child,”
 he told me,
 “I went blind, and from that time
 I knew neither day nor night
 until my old age.
 In vain did I seek a remedy
 in potions and secret
 spells.
 In vain I sprinkled
 my eyes with healing waters
 from the holy fountains...
 All in vain!
 And so I grew accustomed
 to the darkness,
 and not even the things
 I had seen appeared in my dreams,
 only sounds.
 Once in a deep sleep
 I suddenly heard...
 a child's voice calling to me

*(Boris shudders, listens anxiously and becomes
 agitated.)*

So distinctly he called out:
 ‘Get up, granddad, get up!
 Go to the town of Uglich,

(Boris half gets up and wipes his face with his kerchief.)

Go to the Church of the Transfiguration.
 There you must pray
 at my grave;
 listen, granddad,
 I am Dmitry, the tsarevich;
 God took me
 among his angels
 and now I am
 the great miracle-worker of Russia...`

(Boris sinks into his chair.)

I woke up... thought...
 took my grandson with me
 and dragged myself off on the long journey.
 No sooner had I leaned

так хорошо вдруг стало
и слёзы полились,
обильно, тихо полились,
и я увидел и Божий свет,
и внука, и могил..."

БОРИС

(Вскрикивает и хватается за сердце.)
Ой! Душно! Душно! Свету!

(Бояре бросаются на помощь Борису. Падает
без чувств на руки бояр.)

БОРИС

(Приходит в чувство.)
Царевича скорей!
Ох, тяжко мне! Схиму!

(Бояре усаживают Бориса в кресло; Шуйский
идет за царевичем.)

7 Оставьте нас! Уйдите все!

(Бояре уходят.)

Прощай, мой сын, умираю...
Сейчас ты царствовать начнёшь.
Не спрашивай, каким путем
я царство приобрёл...
Тебе не нужно знать.
(Восторженно.)
Ты царствовать по праву будешь,
как мой наследник,
как сын мой первородный...
Сын мой! Дитя моё родное!
Венец тебе достался
в тяжкую годину.
Силён злой самозванец!
Он именем ужасным ополчён.
Вокруг тебя бояр крамола,
измена войска...
Глад и мор...
Слушай, Феодор: не веряйся
наветам бояр крамольных,
зорко следи за их сношениями
тайными с Литвою,
измену карай без пощады,
без милости карай;
строго вникай в суд народный,
суд нелицемерный;
стой на страже борцом
за веру правую,
свято чти святых
угодников Божьих.
Соблюдай ты чистоту
свою, Феодор, в ней

over the grave
than tears began
suddenly to flow.
They flowed copiously and quietly
and I saw God's world
and my grandson, and the grave..."

БОРИС

(shouts out and clutches at his heart)
Ah! I am suffocating! Suffocating! Some light!

(The boyars rush to assist Boris. He falls senseless into
the arms of the boyars.)

БОРИС

(coming to his senses)
The tsarevich, quickly!
Ah, how painful! The schema!

(The boyars sit Boris in the chair; Shuisky goes for the
tsarevich.)

Leave us! All of you, go!

(The boyars leave.)

Farewell, my son, I am dying...
Now you will begin to reign.
Do not ask by what means
I acquired the throne...
You do not need to know.
(rapturously)
You will reign according to your right
as my heir,
and first-born son...
My son! My own dear child!
The crown comes to you
in difficult times.
The wicked pretender is strong!
He has armed himself with a name that inspires awe.
The sedition of the boyars is all around you,
and the treachery of the troops...
Famine and pestilence...
Listen, Fyodor: do not trust
the calumny of the scheming boyars,
and keep a close watch on their
secret dealings with Lithuania,
punish treason without mercy,
punish it without clemency;
be strict in your understanding of justice,
justice without hypocrisy;
be a warrior on guard
of the true faith
and have a holy respect
for the Lord's saints.
Guard your innocence,

мощь твоя и сила,
и разума крепость,
и спасенье.
(Хватается за сердце.)
Сестру свою, царевну,
береги, мой сын,
ты ей один хранитель
остаешься... нашей
Ксении, голубке чистой.

8 Господи! Господи!
Возри, молю,
на слёзы грешного отца;
не за себя молю,
не за себя, мой Боже!
(Возлагая руки на Феодора.)
С горней неприступной
высоты пролей Ты
благодатный свет
на чад моих невинных...
кротких... чистых...
Силы небесные!
Стражи трона предвечного...
Крылами светлыми
вы охраните моё дитя
родное от бед и зол...
от искушений...

(Прижимает сына к груди и целует. За сценою
протяжный удар колокола.)

Звон!
Погребальный звон!

ПЕВЧИЕ
(За сценой.)
Плачьте, плачьте, людие,
несть бо жизни в нем
и немы уста его
и не даст ответа.

БОРИС
Надгробный вопль,
схима... святая схима...
в монахи царь идет.

ПЕВЧИЕ
(За сценой.)
Плачьте. Аллилуйя!

ФЕОДОР
(Сквозь слезы.)
Государь, успокойся!
Господь поможет...

БОРИС
Нет! Нет, сын мой,

Fyodor, in it is
your might and strength,
the bastion of your reason
and salvation.
(clutches at his heart)
Take care of your sister,
the tsarevna, my son,
you are now
her only protector... our
Xenia, the innocent darling.
O Lord! Lord!
Look down, I implore Thee,
on the tears of a sinful father.
It is not for myself that I implore Thee,
not for myself, my God!
(placing his hand on Fyodor)
From your impenetrable,
celestial heights,
let your beneficial light
pour down on my innocent children...
So meek... and so innocent...
O powers of heaven!
O guardians of the everlasting throne...
With your radiant wings
protect my own child
from woes and harm...
and from temptations...

(He presses his son to his breast and kisses him. Off-stage the slow tolling of a bell.)

The bell!
It is the death knoll!

CHORUS
(off-stage)
Weep, weep, o people,
lo, no life remains in him,
his lips are silent,
and he gives no reply.

BORIS
It is the funeral lament.
The schema... the holy schema...
The tsar takes his monastic vows.

CHORUS
(off-stage)
Weep, Alleluia!

FYODOR
(through his tears)
Sire, calm yourself!
The Lord will help...

BORIS

час мой пробил.

ПЕВЧИЕ

(Ближе к сцене.)

Вижу младенца умирающа
и рыдаю, плачу,
мятется, трепещет он,

(Бояре и певчие выходят на сцену с красного
крыльца.)

и к помощи взывает
и несть ему спасенья...

БОРИС

Боже! Боже! Тяжко мне!

Ужель греха не замолю!

О, злая смерть!

Как мучишь ты жестоко!

(Встает.)

Повремените...

я царь еще!

(Хватается за сердце и падает в кресло.)

Я царь еще...

(Ослабевающим голосом.)

Боже! Смерть!

Прости меня!

(Боярам, указывая на сына.)

Вот, вот царь ваш...

царь, простите...

(Шепотом.)

прости...

(Впадает в забытие и умирает. Мертвое
молчанье. Бояре стоят в каком-то оцепенении,
опуская головы, сложив руки и как бы замирая
при последних словах Бориса.)

ХОР

Успне!

Вторая картина

Лесная прогалина под Кромами. Справа спуск
и за ним, в отдалении, стены города. От спуска,
через сцену, дорога. Прямо лесная чаща. У
самого спуска большой пенек. Ночь.

(Крики толпы бродяг за сценою. На сцену
врывается, по спуску справа, толпа бродяг.
В толпе боярин Хрушов, связанный, в
изодранном охабне, без шапки.)

No! No, my son,
My hour has come.

CHORUS

(*closer to the stage*)

I see an infant dying
and I sob and weep.

He is alarmed, he trembles,

(*The boyars and the choristers come onto stage from the
Red Staircase.*)

He calls out for help,
but no one can save him...

BORIS

O God! O God! It is painful!

Am I unable to atone for my sin with prayer!

O, wicked death!

How cruelly you torment me!

(*gets up*)

Wait a little...

I am still the tsar!

(*clutches at his heart and falls into the chair*)

I am still the tsar...

(*with a failing voice*)

O God! It is death!

Forgive me!

(*to the Boyars, pointing at his son*)

There, there is your tsar...

your tsar, forgive me...

(*in a whisper*)

Forgive me...

(*He becomes unconscious and dies. A deathly silence.
The boyars stand in a kind of daze, their heads lowered,
their arms folded, as if frozen, with the last words uttered
by Boris.*)

CHORUS

He has passed away!

Scene Two

*A forest glade near Kromy. To the right a slope leading
down to the distant walls of the town. A road runs from
the slope across the stage. Straight ahead there is forest
thicket. On the slope itself there is a tree stump. It is
night.*

(*The shouting of a bands of vagrants off-stage. The
vagrants burst onto the stage along the slope to the
right. Among them is the boyar Khrushchov. He is tied
up and is wearing tattered caftan. He has no hat.*)

БРОДЯГИ

9 Вали сюда!
 На пень сади,
 на пень, ребята!
 (Сажают Хрушова на пень.)
 Вот так!
 А чтоб не больно выл,
 чтоб горла-то
 боярского не портил,
 законопаты!
 (Затыкают Хрушovu рот обрывком охабня и
 завязывают поясом.)
 Важно!
 (Разводят костры.)
 Что ж, братцы!
 Аль так, без почёту,
 боярина оставим?
 Так, без почёту!
 Так не ладно!
 Всё ж он Борисов
 воевода.
 Борис от воровски
 престолом царским правит,
 а он у вора воровал!
 Что ж? Зато ему почёт,
 как вору доброму.
 Эй! Рынды!
 Фомка! Епифан!
 За боярина!

(Двое из толпы с дубинками становятся за
 Хрушовым.)

Важно!
 Чтой-то за невидаль!
 Аль николи боярин наш
 зазнобушки не ведал?
 Куды те к чёрту!
 Боярин без зазнобы,
 что пирог без начинки,
 один сухарь!
 Афимья!
 Голубка!
 Тебе уж, баяот, вторая
 сотня подступила.
 Так оно не боязно.
 Вали, красавица, к боярину!

(Из толпы выходит старуха, кряхтя и
 покашливая, и направляется к Хрушову.)

Вали!
 Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха,
 Хе, хе, хе, хе, хе, хе, хе!
 Ладно! Давайте величать!

VAGRANTS
 Over here!
 Sit him down on the stump,
 on the stump, lads!
(They sit Khrushchov on the stump.)
 That's it!
 And so that he doesn't go howling
 and ruining that
 noble throat of his,
 gag him!
*(They stuff a piece of caftan into Khrushchov's mouth
 and bind it with a belt.)*
 That's it!
(They light bonfires.)
 So, lads,
 are we to leave the boyar
 without showing him our respects?
 Without our respects!
 it's not the done thing!
 Still, he is
 Boris's governor here.
 It was by theft that Boris
 took the royal throne,
 and this one stole from a thief!
 So then? We ought to show him respect
 as a good thief.
 Hey! Royal body guards!
 Fomka! Yepifan!
 Watch the boyar!

*(Two men from the crowd stand behind Khrushchov with
 cudgels.)*

That's it!
 So what else is new!
 Or has our boyar
 never had a sweetheart?
 What the devil!
 A boyar without a sweetheart
 is like a pie without filling,
 bone dry!
 Afimya!
 My dear!
 People say that you
 are well over a hundred,
 so you need not fear.
 Go over to the boyar, my beauty!

*(An old woman emerges from the crowd, wheezing and
 coughing. She makes for Khrushchov.)*

Go on!
 Ha, ha, ha, ha, ha, ha, ha!
 Hee, hee, hee, hee, hee, hee, hee!

Эй, бабы, заводи!
 (Полукружим перед Хрушовым.)
 Не сокол летит по поднебесью,
 не борзый конь мчится по полю.
 Сиднем сидит бояринушка,
 думу думает.
 Слава боярину! Слава Борисову!
 (Кланяются.)
 Стой, бабы!
 Дубинки у боярина не видно.
 Чего дубинки! Суньте плётку!
 (Кладут Хрушову в руки плеть.)
 Вот так! Дальше валий!
 Сиднем сидит, думу думает:
 как бы Борису в угодшуку,
 как бы вору на помощь,
 забить, запороть люд честной!
 Слава боярину! Слава Борисову!
 Честью, почестью
 ты нас поваживал,
 в бурю-непогодь да в бездорожие.
 На ребятах наших покатывал,
 тонкой плёткой постёгивал.
 Слава боярину! Слава Борисову!
 Ох, уж и слава тебе, боярин!
 Ох, уж и слава ж тебе, боярину!
 Слава вечная!

(Бродяги кланяются в землю. Слева, по дороге,
 вбегает юродивый в железном колпаке,
 обвешанный веригами, босиком, с лаптем в
 руке. За ним толпа мальчишек, поднявших его в
 кустах.)

МАЛЬЧИШКИ

10 Тррр, ррр, ррр, ррр!
 Железный колпак,
 железный колпак!
 Тррр, ррр, ррр, ррр!
 Железный колпак,
 железный колпак!
 У-лю-лю-лю-лю-лю-лю,
 у-лю-лю-лю-лю-лю-лю!
 Тррр!

(Некоторые из толпы замахиываются на
 мальчишек кулаками, мальчишки отбегают в
 сторону.)

ЮРОДИВЫЙ

(Садится на камень, поет, покачиваясь и
 штопая лапоть.)
 Месяц едет, котёнок плачет.
 Юродивый, вставай,
 Богу помолился,

Fine! Let's glorify him!
 Hey, you women, start up the song!
(forming a semicircle in front of Khrushchov)
 It is not a falcon flying across the sky,
 it is not a swift horse racing over the field.
 A little boyar sits asitting,
 thinking his thoughts.
 Glory to the boyar! Glory to Boris's boyar!
(They bow to him.)
 Stop there, you women!
 The boyar's got no cudgels.
 What does he want cudgels for? Give him a whip!
(They put a whip in Khrushchov's hands.)
 That's it! Carry on!
 He sits asitting, thinking his thoughts:
 how he might please Boris.
 how he might help the thief out,
 and beat and flog decent folk to death!
 Glory to the boyar! Glory to Boris's boyar!
 You have shown us honour
 well and truly
 in storms, bad weather and on impassable roads.
 You rode roughshod over us folk
 and lashed us with your delicate whip.
 Glory to the boyar! Glory to Boris's boyar!
 Glory to you, boyar!
 Yes, glory to you, boyar!
 Eternal glory!

*(The vagrants bow down to the ground. From the left a
 simpleton runs in along the road. He is wearing a tin
 hat, is draped in chains, barefoot, and is carrying a bast
 shoe. A gang of urchins, who have driven him out of the
 shrubbery, follow him.)*

URCHINS

Ттрр, ттр, ттр, ттр!
 Tin hat,
 tin hat!
 Ттрр, ттр, ттр, ттр!
 Tin hat,
 tin hat!
 U-lyu-lyu-lyu-lyu-lyu-lyu,
 u-lyu-lyu-lyu-lyu-lyu-lyu, lyu!
 Ттрр!

*(Some of the crowd wave their fists at the boys and they
 run off to one side.)*

THE SIMPLETON

*(sits on a stone, sings, swaying to and fro, and darns his
 bast shoe)*
 The moon is on its travels, the kitten is weeping.
 Get up, simpleton,

Христу поклонися.
Христос, Бог наш,
будет ведро, будет месяц,
(Рассеянно.)
будет ведро... месяц...

МАЛЬЧИШКИ
Здравствуй, здравствуй,
Юродивый Иваныч!
Встань, нас почествуй,
в пояс поклонися нам,
колпачек-то скинь!
Колпачок тяжёл!
(Щелкают по колпаку.)
Дзинь, дзинь, дзинь, дзинь,
дзинь, дзинь, эк звонит!

ЮРОДИВЫЙ
А у меня копейка есть.

МАЛЬЧИШКИ
Шутишь!
Не надуешь нас, небось!

(Ищет за пазухой копейку и показывает мальчишкам.)

ЮРОДИВЫЙ
Вишь!

МАЛЬЧИШКИ
Фить!
(Вырывают копейку и убегают к женщинам.)

ЮРОДИВЫЙ
А, а, а! Обидели юродивого!
(Плачет.)
А, а, а! Отняли копейку!
А, а, а!
(Укладывается у камня, притворясь спящим.)

МИСАИЛ, ВАРЛААМ
(За сценою.)

11 Солнце, луна померкнули,
звезды с небес покатились,
вселенная восколебалася
от тяжкого греха Борисова.
Бродит зверье невиданное,
родит зверье неслыханное,
пожирает тела человеческие
во славу греха Борисова.

МИСАИЛ
(Ближе.)
Мучат, пытаются Божий люд,

pray to God,
worship Christ,
Christ, our Lord.
There will be fine weather, there'll be a moon,
(*absent-mindedly*)
there will be fine weather... a moon...

URCHINS
Greetings, greetings,
Simpleton Ivanych!
Get up, show us some respect,
give us a low bow,
toss away that hat!
It's heavy!
(*They flick at the hat.*)
Ting, ting, ting, ting
ting, ting, how it rings!

THE SIMPLETON
I've got a little copeck.

URCHINS
You're joking!
You can't catch us out, no fear!

(*The Simpleton searches for his copeck inside his tunic and shows the copeck to the boys.*)

THE SIMPLETON
See!

URCHINS
Run for it!
(*They snatch his copeck and run off towards the women.*)

THE SIMPLETON
A, - a, - a! They have abused simpleton!
(*weeps*)
A, - a, - a! They have taken his copeck.
A, - a, - a!
(*He lies down by the stone, pretending to be asleep.*)

MISAIL, VARLAAM
(*off-stage*)
The sun and the moon have faded,
the stars have rolled from the sky,
the universe is roused to indignation
from the grievous sin of Boris.
Never have such beasts roamed free,
never have such beasts been created,
devouring human bodies
to the glory of Boris's sin.

MISAIL
(*nearer*)

а мучат слуги Борисовы...

БРОДЯГИ

Чтоб-то было?
От Москвы идут святые старцы...
Ктой-то, братцы?
Песню ведут о кознях Бориса,
о пытках свирепых,
о муках жестоких,
что терпит люд неповинный.

ВАРЛААМ

Наушеньем силы адовой...

МИСАИЛ и ВАРЛААМ

Во славу престола сатанинского,
(Входят на сцену.)
стонет, мятется святая Русь,
а стонет под рукой
богоотступника,
под проклятой рукой
цареубийцы,
в прославленье греха
незамолимого.

(Толпа внимательно вслушивается.)

БРОДЯГИ

12 Гайда!
Расходилась, разгулялась
удаль молодецкая.
Расходилась, разгулялась
удаль молодецкая.
Пышет полымем
кровь казацкая.
Пышет полымем
кровь казацкая.
Поднималась со дна,
поднималась сила,
сила пододонная,
поднималась, тешилась
неугомонная!
Поднималась силушка!
Гой!
Ой ты, сила, силушка,
ой ты сила бедовая!
Ой ты, сила, силушка,
ой ты сила бедовая!
Ты не выдай молодецв,
молодцев удалых.
Гой! Гой!
Ой ты сила бедовая,
ты сила грозная.
Гой! Гой!
Ой, не выдай ты молодецв,

They harass and torture God's people,
but Boris's servants harass...

VAGRANTS

What can that be?
Some holy elders coming from Moscow...
Which ones, lads?
They are singing about Boris's scheming,
about his savage tortures
and his cruel torments
that his innocent people have endured.

VARLAAM

Incited by the powers of hell...

MISAIL, VARLAAM

For the glory of Satan's throne,
(They come on stage.)
holy Russia groans and is in a state of unrest,
she groans under the hand
of an apostate,
under the accursed hand
of a regicide,
in the glorification of a sin
that cannot be atoned by prayer.

(The crowd listens attentively.)

VAGRANTS

Hurrah!
Daring boldness
has broken free, and is on the rampage,
daring boldness
has broken free, and is on the rampage.
Cossack blood
is blazing like a flame,
cossack blood
is blazing like a flame.
A force has risen up,
risen up from the depths,
the force from the depths
has risen up, and that restless force
has given vent to its pleasure!
A mighty force has risen up!
Hoy!
O, you mighty force,
o, you daredevil force!
O, you mighty force
o, you daredevil force!
Do not betray the dashing fellows,
the bold dashing fellows.
Hoy! Hoy!
You daredevil force,
you awesome force.
Hoy! Hoy!

Ой, не выдай удалых.
 Ой, силушка бедовая!
 Ты дай им понатешиться!
 Ты дай им понасытиться!
 Ой, силушка, ой, грозная!
 Ты дай им понасытиться!
 Ты дай им понатешиться! Гой!

ВАРЛААМ, СТАРЕЙШИЕ ИЗ БРОДЯГ
 Воспримите, людие,
 царя законного!

МИСАИЛ, БРОДЯГИ
 Воспримите Богом спасенного,
 от убийцы Богом укрытого.

ВАРЛААМ, МИСАИЛ, БРОДЯГИ
 Воспримите, людие,
 царя Димитрия Ивановича!

ВАРЛААМ, БРОДЯГИ
 (Толпе.)
 Рыщут, бродят слуги Бориса,
 пытаются народ неповинный...

МИСАИЛ, БРОДЯГИ
 (Толпе.)
 Рыщут, бродят слуги Бориса,
 мучат люд неповинный.

ВАРЛААМ, МИСАИЛ, БРОДЯГИ
 Пыткой пытаются,
 душат в застенке,
 избыть хотят православных.

БРОДЯГИ
 Мучат, пыгают,
 душат в застенке
 люд неповинный,
 Смерть! Смерть!
 Смерть ему!
 Смерть Борису!
 Смерть, смерть Борису!
 Смерть царубийце!
 Смерть! Смерть Борису!
 Царубийце смерть!

ЛАВИЦКИЙ, ЧЕРНИКОВСКИЙ
 (За сценою.)
 13 Domine, Domine,
 salvum fac Regem, Regem,
 Regem Demetrium Moscoviae,
 salvum fac, salvum fac
 Regem Demetrium omnis Russiae,
 salvum fac, salvum fac

Do not betray the dashing fellows,
 you daredevil force,
 o you, force, awesome force!
 Let them amuse themselves!
 Let them have their fill!
 O you, force, awesome force!
 Let them have their fill!
 Let them amuse themselves! Hoy!

VARLAAM, OLDER VAGRANTS
 People, welcome
 your rightful tsar!

MISAIL, VAGRANTS
 Welcome, he whom the Lord has saved
 and whom the Lord has protected from murder.

VARLAAM, MISAIL, VAGRANTS
 People, welcome
 your tsar Dmitry Ivanovich!

VARLAAM, VAGRANTS
 (to the crowd)
 The servants of Boris roam about, scouring the land,
 and torturing the innocent people...

MISAIL, VAGRANTS
 (to the crowd)
 The servants of Boris roam about, scouring the land,
 and torturing the innocent people.

VARLAAM, MISAIL, VAGRANTS
 They put us to trial with torture,
 throttle us in the torture chamber,
 they want to rid themselves of the Orthodox faithful.

VAGRANTS
 They torment us, they torture us,
 they throttle us in the torture chamber,
 innocent folk that we are.
 Death! Death!
 Death to him!
 Death to Boris!
 Death, death to Boris!
 Death to the regicide!
 Death! Death to Boris!
 Death to the regicide!

LAVITSKY, CHERNIKOVSKY
 (off-stage)
 Domine, Domine
 salvum fac Regem, Regem,
 Regem Demetrium Moscoviae,
 salvum fac, salvum fac,
 Regem Demetrium omnis Russiae,

Regem Demetrium.

БРОДЯГИ

Кого еще нелёгкая несёт?

Словно волки воют!

Что за дьяволы?

(Часть толпы бежит влево, навстречу иезуитам.)

ЛАВИЦКИЙ, ЧЕРНИКОВСКИЙ

(Ближе.)

Domine, Domine salvum fac,

Regem Demetrium salvum fac.

ВАРЛААМ

(Мисаилу.)

Вороньё поганое!

Поди-ка, тоже

возглашают царевича!

Не попустим, отец Мисаил?

МИСАИЛ, ВАРЛААМ

(Крик.)

Не попустим!

ЛАВИЦКИЙ, ЧЕРНИКОВСКИЙ

(Входят на сцену.)

Domine, Domine, salvum fac

Regem Demetrium,

Regem Demetrium Moscoviae!

МИСАИЛ, ВАРЛААМ

(Толпе.)

Души ворон проклятых!

БРОДЯГИ

Гайда!

Души!

Дави!

А, кровососы!

Колдуны поганые!

ВАРЛААМ

Да вознесутся на древо

благолепно.

(Хватают иезуитов.)

МИСАИЛ, ВАРЛААМ

Да воспрславят вселенную

гласом велиим!

БРОДЯГИ

Гайда!

(Вяжут иезуитов.)

salvum fac, salvum fac

Regem Demetrium.

VAGRANTS

Who the devil is that now?

They howl like wolves!

What devils can they be?

(Some of the people run to the left to meet the Jesuits.)

LAVITSKY, CHERNIKOVSKY

(nearer)

Domine, Domine salvum fac,

Regem Demetrium salvum fac.

VARLAAM

(to Misail)

Heathen crows!

It looks as if they are also

proclaiming the tsarevich!

Shall we stop them passing, father Misail?

MISAIL, VARLAAM

(with a shout)

Let's stop them!

LAVITSKY, CHERNIKOVSKY

(coming on stage)

Domine, Domine salvum fac

Regem Demetrium,

Regem Demetrium Moscoviae!

MISAIL, VARLAAM

(to the crowd)

Throttle the accursed crows!

VAGRANTS

Hurrah!

Throttle them!

Garrotte them!

The bloodsuckers!

The heathen witch doctors!

VARLAAM

Let's hoist them up

in grand style on that tree.

(They seize the Jesuits.)

MISAIL, VARLAAM

Let them glorify the universe

with their mighty voices!

VAGRANTS

Hurrah!

(They tie the Jesuits up.)

ЛАВИЦКИЙ, ЧЕРНИКОВСКИЙ
 Sanctissima Virgo juva,
 juva servos tuos!

ВАРЛААМ
 (Толпе.)
 Крепче вяжи!
 Да пресечется мание дланей!
 Да отринется помощь десницы!

БРОДЯГИ
 Гайда!
 Гайда, на осину!

ЛАВИЦКИЙ, ЧЕРНИКОВСКИЙ
 Sanctissima Virgo juva,
 juva servos tuos!
 Sanctissima Virgo
 juva servos tuos,
 servos tuos.

(Бродяги ташут иезуитов в лес. Юродивый вскакивает, осматривается и снова ложится у камня. За сценою: труба самозванца в лесу.)

МИСАИЛ, ВАРЛААМ
 (В лесу.)

14 Слава тебе, царевичу,

(На сцене показываются из лесу всадники в белых плащах и ратники с факелами.)

Богом спасенному.
 Слава тебе, царевичу,
 Богом укрытому!

БРОДЯГИ
 (За сценою.)
 Слава царевичу,
 Богом спасенному,
 Богом укрытому!
 Слава тебе,
 Богом спасенному!

(Толпа, Варлаам, Мисаил и иезуиты теснятся на сцену.)

Живи и здравствуй,
 Димитрий Иванович!

(Въезжает Самозванец, верхом, в белом плаще, в шлеме с перьями и в латах. Коня его держат под уздцы два ратника в белых плащах.)

LAVITSKY, CHERNIKOVSKY
 Sanctissima Virgo juva,
 juva servos tuos!

VARLAAM
 (to the crowd)
 Tie them tighter!
 Stop them making signs with their palms!
 And let the right hand of God refuse to help them!

VAGRANTS
 Hurrah!
 Hurrah, on that aspen!

LAVITSKY, CHERNIKOVSKY
 Sanctissima Virgo juva,
 juva servos tuos!
 Sanctissima Virgo
 juva servos tuos,
 servos tuos.

(The vagrants drag the Jesuits into the forest. The Simpleton jumps up, looks around and again sits down near his stone. Off-stage: the Pretender's trumpet in the forest.)

MISAIL, VARLAAM
 (in the forest)
 Glory to you, tsarevich,

(Horsemen appear on stage wearing white cloaks together with soldiers brandishing torches.)

glory to you, tsarevich
 whom the Lord has saved,
 whom the Lord has protected!

VAGRANTS
 (off-stage)
 Glory to the tsarevich
 whom the Lord has saved,
 whom the Lord has protected!
 Glory to you,
 whom the Lord has saved!

(The crowd, Varlaam, Misail and the Jesuits come thronging onto the stage.)

Long life and health to you,
 Dmitry Ivanovich!

(The Pretender enters on horseback wearing a white cloak, a helmet and plumes in his armour. The bridle of his horse is held by two soldiers wearing white cloaks.)

Слава! Слава! Слава!

САМОЗВАНЕЦ

- 15 Мы, Дмитрий Иванович,
Божьим изволением
царевич всяя Руси,
князь от колена предков наших,
вас, гонимых Годуновым,
зовём к себе и обещаем
милость и защиту!

ХРУШОВ

(Забытый бродягами, освобождаясь от
веревок.)
Господи!
Сын Иоанов, слава тебе!
(Кланяется в землю.)

САМОЗВАНЕЦ

(Хрущеву.)
Встань, боярин!
(Толпе.)
За нами в славный бой!
На родину святую,
(Поднимаясь вправо по спуску.)
в Москву, в Кремль
златоверхий!

(За сценой тяжелые удары набатного колокола.)

БРОДЯГИ

(Все, кроме юродивого, идут за самозванцем.)
Слава тебе, царь-батюшка!

ЛАВИЦКИЙ, ЧЕРНИКОВСКИЙ

Deo gloria, gloria!
(За сценою.)
Deo, Deo gloria, gloria...

ХОР

(За сценою.)
Слава тебе, Дмитрий Иванович!

(Сцена освящена заревом горящего города.)

ЮРОДИВЫЙ

(Вскакивает, озираясь. Потом садится на
камень и поет, покачиваясь.)

- 16 Лейтесь, лейтесь,
слёзы горькие!
Плачь, плачь,
душа православная.
Скоро враг придёт
и настанет тьма,
темень тёмная,

Glory! Glory! Glory!

THE PRETENDER

We, Dmitry Ivanovich,
through the grace of God
tsarevich of all Russia,
a prince descended from our ancestors,
call upon you, who are persecuted by the Godunovs,
and we promise you
our favour and protection.

KHRUSHCHOV

(whom the vagrants have forgotten, freeing himself from
his tethers)
Sire!
Son of Ivan, glory to you!
(bows to the ground)

THE PRETENDER

(to Khrushchov)
Rise, boyar!
(to the crowd)
Follow us into glorious battle!
To our holy motherland,
(ascending the slope on the right)
to Moscow, to the
golden-roofed Kremlin!

(off-stage the loud pealing of an alarm bell)

VAGRANTS

(All, except the Simpleton, follow the Pretender.)
Glory to you, Dmitry Ivanovich!

LAVITSKY, CHERNIKOVSKY

Deo gloria, gloria!
(off-stage)
Deo, Deo gloria, gloria...

CHORUS

(off-stage)
Glory to you, Dmitry Ivanovich!

(The stage is lit up by the glow of the burning town.)

THE SIMPLETON

(jumps up and gazes around; then he sits on his stone,
and sings as he sways to and fro.)
Flow, flow
bitter tears!
Weep, weep,
o soul of the Orthodox faithful.
The enemy will soon be here,
darkness approaches,

непроглядная.
Горе, горе Руси, плачь,
плачь русский люд,
голодный люд!

(За сценою глухие удары набата продолжаютя.
Юродивый вздрагивает, озираясь на зарево.)

Cyrillic libretto prepared by Kamil Tchalaev

with the impenetrable
blackness of the night.
Woe, woe to Russia, weep,
weep, ye Russian people,
ye starving people!

*(The muffled sounds of the alarm bell continue to sound
off-stage. The Simpleton shudders, looking back at the
glow of the fire.)*

*Translation © 1998 Philip Taylor
All rights reserved*